

К-14038

П307356

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

к-14038

258'84

П307356

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

» ВИЩА ШКОЛА «

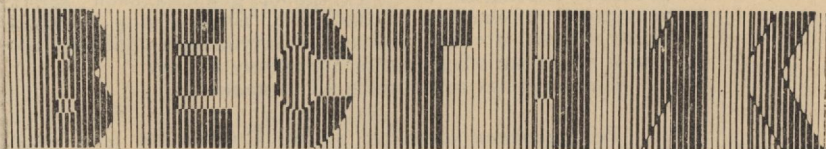
1 р. 30 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1984, № 258, 1—129.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕ
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

288

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 258

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВИЩА ШКОЛА»
1984

В вестнике рассматриваются обобщающие результаты исследования типологии и структурно-функциональной характеристики грамматики английского, немецкого и французского языков, а также некоторые актуальные проблемы теории и практики обучения иностранному языку.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: Ю. Ф. Ещенко (отв. ред.), А. С. Калинин (зам. отв. ред.), Е. И. Морозова (отв. секр.), Н. Н. Анютин, В. И. Безуглый, В. И. Каравашкин, В. А. Кухтенко, С. Т. Навальная

Ответственный за выпуск *Е. И. Морозова*

Печатается по решению Ученого совета факультета иностранных языков от 19 января 1983 г.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, фак. иностр. яз., тел. 40-14-04

Редакция гуманитарной литературы

В 4601000000-067
М226 (04)-84

К-14038

© Харьковский государственный
университет, 1984

Центральна наукова
бібліотека ХДУ
307256

307356 / 258

ПРОБЛЕМЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Л. Г. АКУЛЕНКО

О СТРУКТУРЕ ПОЛЯ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Количественная определенность, как одна из основных категорий объективного мира и его познания человеком, отражается семантикой любого языка. Многообразные языковые формы, выражающие идею количества в немецком языке, давно привлекают внимание исследователей. Наиболее изучены имена числительные и грамматическое число, которым в немецком языке посвящено значительное количество работ. Так, специально исследовались немецкие количественные прилагательные [8; 9] и имена существительные собирательные [3; 5].

В настоящее время возрос интерес к описанию языка не от форм к значениям, а от понятий, подлежащих выражению, к языковым формам. Такой подход к описанию языка вызвал необходимость перейти от частных исследований к установлению широкого объединения языковых средств, воплощающих понятие количественности.

Для русского языка такие описания с разной степенью полноты сделаны в работе [1], основанной на функционально-семантическом подходе, а в работе [10] — на логико-математическом. Анализ языковых средств выражения количества в английском, русском и украинском языках в основном сводится к изучению словосочетаний с именем числительным [12].

На материале немецкого языка средства выражения количества наиболее полно описаны Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс [6], где сформулированы принципы строения самых общих разнородных объединений языковых средств, названных грамматико-лексическими или функционально-семантическими полями [4]. При рассмотрении количества авторы работы [6] из анализа сознательно исключили единичность. В обрисованном ими поле множественности выделены определенная и приблизительная множественность (числительные без аппроксиматоров и с ними), чистая множественность (множественное число), совокупительная множественность и неопределенная множественность. В появившейся позже работе Д. А. Кашиной [7] описано поле количества в целом. Однако автор сузил свой объект, ограничив его числительными, счетными и «совокупительными» существительными. Таким образом, функционально-семантическое поле количества в немецком языке во всем его объеме еще не описано. Большие лексико-фразеологические материалы, не обработанные еще теоретически, содержат толковые, синонимические, фразеологические словари, словари-тезаурусы немецкого языка. Тем не менее многие относящиеся к полю явления даже в области лексики и фразеологии еще не лексикографировались. Мало изучены словообразовательные и синтаксические средства выражения количества.

Основными признаками функционально-семантического поля обычно признают наличие общего значения и разнородных кон-

ституентов; организацию этих конституентов в виде центра и периферии; распадение общего значения минимум на два значения, каждое из которых образует микрополе; сложную структурную организацию, проявляющуюся в членении на классы, разряды (вертикальный срез структуры) и наборы конституентов в каждом классе (горизонтальный срез). Кроме того, многозначное слово в различных значениях (лексико-семантических вариантах) может входить в различные поля. Поля языка не отделены механически друг от друга, напротив, близкие по своей семантике поля в периферийных частях пересекаются, образуя переходные зоны.

Поле количества в современном немецком языке обладает всеми признаками такого функционально-семантического макрополя. Оно объединено общим значением количества, которое проявляется в многочисленных разновидностях и с разной степенью выраженности. Конституенты поля принадлежат к уровням морфологических категорий, слов и фразеологизмов, морфем, синтаксических конструкций. Наконец, поле строится из-за сложной структурной иерархии, включающей ряд микрополей разных рангов.

Наметим контур структуры макрополя количества в немецком языке и определим его связи с другими полями. Основное значение количества дихотомически делится на два: определенное (точное) количество и неопределенное. Поле количества существует в виде двух взаимосвязанных микрополей первого ранга с особой структурой и своеобразной семантикой.

Поле определенного количества включает конституенты, выражающие точные количественные, числовые (нумеральные) значения, которые могут быть соотнесены с элементами натурального ряда чисел. Ядром поля являются числительные в прямых значениях. Кроме количественных и порядковых числительных к полю относятся дробные числительные, счетные существительные, а также прилагательные, наречия и глаголы, производные от числительных и счетных существительных. В ряде случаев семы нумеральности сочетаются с другими семами: краткости, совместности, распределенности, порядка следования и др. (ср.: *drei* и *dritte*, *dreimal*, *dreifach*, *zu dritt*, *verdreifachen* и т. д.). Сюда относятся также морфемы с точными нумеральными значениями типа *ein*-, *uni*-, *mono*-, *zwei*-, *doppel*-, *bi*-, *di*- и т. п. Сингулятивность выражается, кроме числительного *ein*, также неопределенным артиклем в некоторых значениях, формами единственного числа существительных в их основных значениях, прилагательными *einzeln* и *einzig* в единственном числе, особыми элементами сложных слов *-korn* и *-halm* (*Sandkorn*, *GraBhalm*, *Strohthalm*).

Намного богаче состав и значительно сложнее структура поля неопределенного количества. Она делится на два микрополя второго ранга: множественность и оценочное выражение неопределенного количества. Неопределенная множественность (плюральность) — неединственность, т. е. целый континуум, который начинается от двух элементов и более без ограничения верхнего

предела. Здесь в основе лежит не натуральный ряд чисел, а представление о неполной мощности множества (дискретного, потенциально счетного и однородного). Множественность формируется в противопоставлении единичности.

В центре поля множественности находятся формы множественного числа существительных. Их значение проявляется в оппозиции единственного и множественного числа. В случаях *singularia* и *pluralia tantum*, т. е. слабого противопоставления, оппозиция снимается. Вторичный характер для выражения множественности имеют формы множественного числа прилагательных, причастий, порядковых числительных, а также личные формы глаголов (все они лишь избыточно дублируют значение множественности). Основным выразителем значений прилагательных и причастия становятся в сильном склонении при существительных, не меняющихся во множественном числе *alter Meister* — *alte Meister*.

Периферию поля образуют различные типы собирательных существительных, в значениях которых множественность сочетается с семой «совокупность» (*das Laub, das Gewürm, die Geschwister*), а иногда и с семой «единственность» (*das Gebirge, das Volk*) [3]. Сюда относятся также фреквентативные отглагольные существительные с префиксом *ge-* или суффиксами *-ei/-erei* (*die Rederei, das Gefrage*), означающие множественность действий. Глаголы некоторых словообразовательных типов при соответствующей семантике основ имплицитно выражают множественность актантов (*bewerfen, beschenken, zusammenlaufen*). Множественность выражается полупрефиксами *mehr-, viel-* и префиксами *multi-, poly-*, некоторыми конструкциями с повтором слов (*Schritt für Schritt*), а множественность мер времени — сочетаниями с *seit, in, vor, um* (*seit Jahren*) и т. д.

Неполноту мощности множества (часть всего возможного) передает значение неопределенно-количественных местоимений и наречий *ein paar, wenige, etliche, manche, einige, mehrere, viele, sämtliche*. Но в них уже проявляется градуальность, а в некоторых и оценочность, что ставит эту группу на грань микрополей множественности и оценочного выражения неопределенного количества (слова *wenige* и *viele* принадлежат только этому последнему полю).

Микрополе оценочного выражения неопределенного количества в свою очередь членится на два микрополя третьего ранга: поле неопределенно большого и поле неопределенно малого количества. Оценочность в языке отличается от понятия оценки в логике оценок. Там изучается только отношение субъекта к предмету как к желанному или нежеланному. В языке же оценочность понимается намного шире: сопоставление любых явлений с эталоном (образцом), который может быть явным или неявным, коллективным, или окказионально-индивидуальным. Явления, с этой точки зрения, находятся выше или ниже эталона. Оценка неминуемо содержит в себе элемент субъективности, а языковые средства выражения оценки характеризуются градуальностью, т. е. позволяют выразить нарастающую или убывающую степень оценки.

Неопределенное количество, оцениваемое как стоящее выше эталона, воспринимается как неопределенно большое количество (НБК), а ниже эталона — неопределенно малое количество (НМК).

В центре поля НБК находится слово *viel* и прилегающие к нему синтетические и аналитические средства прямой номинации НБК (*Masse, Menge, Unzahl, eine große Zahl* и т. п.). Обширная периферия поля неоднородна. Ближе к центру находятся те участки периферии, где конstituенты имеют в своем значении сему НБК в качестве единственной или ведущей дифференциальной семы. Дальше располагаются участки, где сема НБК в значениях конstituентов является вторичной или даже потенциальной: *Myriade von, Dutzende von* (НБК); *eine Kette von* (НБК в последовательном порядке); *eine Anhäufung von* (НБК в беспорядке); *einen dicken Geldbeutel haben* (иметь НБК денег); *Gilde* с потенциальным НБК, актуализированным в «*eine ganze Gilde von Beobachtern*» (R. Hagelstange).

Поле НБК включает некоторые словообразовательные средства (*un-, -voll, -reich*, а также экспрессивные полупрефиксы с ограниченной сочетаемостью *Bären-, Bomben-, Heiden-* и т. д.) и синтаксические модели с повтором лексического элемента (*Stapel um Stapel, Regiment auf Regiment, Fehler über Fehler*). Но основную массу конstituентов этого поля образуют лексика и фразеология, организованные в виде многочисленных разрядов [2]. В основе мотивировки конstituентов каждого разряда (слов, относящихся к различным частям речи, фразеологизмов) лежит определенный образ. Образы языка не случайны. Они объединяются в более общие группы. Нередко внутри этих групп разряды находятся в более или менее четко выраженных оппозициях. Поле НБК в немецком языке включает около 70 образов, например в классе больших или интенсивных природных явлений образ большого количества воды (*ein Meer von, ein Ozean von, baden (schwimmen) versinken in etw.*), образ осадков (*ein Regen von, ein Platzregen von, ein Sprühregen von, regnen, niederregnen, ein Hagel von, es hagelt von, dicht wie Hagel, hageldicht, sternhagelvoll*) и др. Поле НМК строится подобно полю НБК, хотя и разработано значительно слабее последнего. В центре его находятся слово *wenig* и примыкающие к нему синтетические и аналитические средства прямой номинации НМК (*nicht viel, ein bißchen, etwas, eine unbeträchtliche Zahl* и т. п.). Периферийные слои включают отдельные словообразовательные морфемы типа-агн (сравните роль уменьшительных суффиксов при образовании наименований НМК типа *ein Bröckchen, Schlückchen, Häufchen von*), но главным образом лексику и фразеологию, объединенную приблизительно в 40 разрядов. В основе разрядов лежат традиционные образы, нередко противоположные образам поля НБК. Например, образ малого количества воды объединяет слова и выражения *ein Tropfen von, ein Tröpfelchen von, tröpfeln, tropfen, ein Tropfen im Meer, ein Tropfen auf dem heißen Stein, tropfenweise, kleckerweise, ein Pfützchen, ein Spritzer*.

Периферийные области оценочного выражения неопределенного количества пересекаются с периферией других оценочных полей (параметричности и интенсивности). Эти явления иногда безоговорочно относят к сфере количественности в семантике языка, но в основной своей части они имеют переходный характер. Параметричность понимается узко, как размерность, или широко, как любые физические признаки предмета (не только высота, длина, ширина, но и масса, температура и т. д.). И в том и в другом случае параметричность сочетает в себе количественные и качественные признаки, а иногда и признаки направленности, т. е. явления дейксиса. Но параметричные слова могут в переносных значениях выражать и чистую количественность. Так, *breit* означает НБК в *das breite Publikum, die breitesten Kreise, eine breite Diskussion*. Подобные явления находятся в зоне соприкосновения полей параметричности и количества.

Интенсивность также образует своеобразное поле на переходе количества и качества. Здесь представлены морфемы, лексика и фразеология, синтаксические средства [11]. Связь этого поля с полем количества очевидна: само слово *viel* в некоторых значениях выступает как интенсификатор. В зоне пересечения интенсивности и количественности находятся, например, средства выражения больших эмоций *ein Orkan wilder Wut, ein Sturm der Begeisterung, ein Abgrund der Verzweiflung*.

Взаимодействие микрополей в пределах поля количества и взаимодействие микрополя оценочного выражения неопределенного количества с качественно-количественными полями параметричности и интенсивности играет заметную роль в речемыслительной деятельности и в развитии и функционировании немецкого языка.

Список литературы: 1. Акуленко Л. Г., Клименко Н. Л. О выражении категории количества в языке. — Структурная и тематическая лингвистика, 1975, вып. 3, с. 11—17. 2. Акуленко Л. Г. Семантические системы неопределенно большого и малого количества в немецком и русском языках. — Вестн. Харьк. ун-та, 1978, № 170. Иностр. яз., вып. 11, с. 7—13. 3. Ардова В. В. Собирательные существительные в современном языке.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1969. — 21 с. 4. Бондарко А. В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1968. — 36 с. 5. Винтайкина Р. В. Имена вещественные в лексико-грамматической системе современного немецкого языка.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1975. — 25 с. 6. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М.: Просвещение, 1969. — 184 с. 7. Кашина Д. А. Функционально-семантическое поле количества (на материале современ. нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973. — 24 с. 8. Куделина Д. А. Количественные прилагательные в группе существительного в современном немецком языке.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1969. — 27 с. 9. Кульгавая В. М. Неопределенно-количественные слова в современном немецком языке. — В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии германских и романских языков. Иркутск: изд. пед. ин-та, 1974, с. 74—83. 10. Новицкая В. В. Лексика с количественным значением в современном русском языке.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 1978. — 24 с. 11. Сущинский И. И. Система средств выражения выс-

шей степени признака (на материале современ. нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977. — 16 с. 12. Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. — Киев: Вища школа, 1981. — 143 с.

Поступила в редколлегию 26.10.81.

О. В. СИДОРОВ

К ПРОБЛЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Исследование лингвистических явлений в социальном контексте предполагает обращение к проблеме влияния идеологии на язык. Постановка вопроса тем более актуальна, когда определенные элементы языковой структуры приобретают ярко выраженную социальную значимость. Так, непримиримая борьба между двумя антагонистическими идеологиями, социалистической и буржуазной, влечет за собой такое использование языковых средств, от которого зависит решение острых социальных проблем, исход этой борьбы. Единицы языка приобретают социальную релевантность. «Сквозь общенародный язык, — отмечают лингвисты ГДР, — просвечивают различные идеологические спектры» [1, с. 59].

Системно-теоретическая часть идеологии, включающая в себя знания, теории, идеи, взгляды, отражающие общественное развитие и положение класса в нем, порождает возникновение и функционирование большого пласта лексики, который используется в идеологических целях. В его центре находится общественно-политическая терминология (ОПТ). В этой связи важно и актуально исследовать особенности ОПТ в идеологическом аспекте.

В современной лингвистической литературе общепризнанным является определение термина вообще как языкового знака, «имеющего профессиональное значение, выражающего и формирующего профессиональное понятие и применяемого в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними — под углом зрения определенной профессии» [3, с. 264]. Для ОПТ данное определение нуждается в некотором уточнении, поскольку, формируя понятия, связанные с общественно-политической сферой человеческой деятельности, он отражает и те знания, которые составляют концептуальное ядро идеологии. Процесс познания и освоения объектов и отношений между ними, вовлеченных в сферы человеческой деятельности, которые непосредственно связаны с классовыми интересами носителей языка, обязательно детерминируются идеологией, ибо познавательная деятельность субъекта неразрывно связана с его социальной деятельностью, всегда включена в определенную систему социальных связей [5, с. 25]. Таким образом, ОПТ представляет собой языковой знак или совокупность знаков, формирующих и выражающих понятия

общественной, политической и идеологической сфер человеческой деятельности с позиций определенной идеологии.

Значение ОПТ как языкового знака представляет собой в субстанцииональном плане «нервно-мозговую, психофизиологическую связь между двумя отображениями (слова и предмета)» [3, с. 129]. Эта связь имеет сложную структуру и устанавливается непосредственной деятельностью человеческого сознания и мышления. Объект социальной действительности отражается в виде определенного образа, на основе которого вырабатывается абстрагирующей деятельностью мышления понятие. Образ слова в сознании человека коррелируется с образом предмета, это образует денотативный аспект значения слова. Мышление человека, вырабатывая понятие, соотносит его со словом, создавая понятийный аспект значения. Для ОПТ эти отношения устанавливаются под влиянием идеологии. Отражение объектов социальной действительности осуществляется через призму классовых интересов. Такие общественные явления, как «революция», «партия рабочего класса», воспринимаются и осознаются носителями различных идеологий по-разному, поскольку идеология является той частью общественного сознания, которая, отражая общественное бытие, выражает ценностный момент в отношении субъекта к объекту отражения.

От характера отражения в форме образов зависит отражение мира в форме понятий, представляющих собой мысль, которая есть «результат обобщения (и выделения) предметов и явлений того или иного класса по более или менее существенным признакам» [4, с. 117]. Но выделение у предметов и явлений определенных признаков невозможно осуществить, не прибегая к языку как средству фиксации и выделения этих признаков. Отсюда и возникает тесная связь, единство, но не тождество слова и понятия. ОПТ представляют собой инструмент для фиксации и закрепления понятий, вырабатываемых идеологией и обусловливаемых ее познавательным характером. Из единства слова и понятия появляется возможность соединения слова с различными, а порой и диаметрально противоположными понятиями, выработанными различными идеологиями. Появляется семантическая дивергенция. А. Д. Швейцер отмечает, что «семантическая дивергенция наблюдается в тех случаях, когда, в принципе, одна и та же языковая система используется различными коллективами, живущими в разных социальных условиях» [11, с. 96]. Одним из факторов семантической дивергенции выступает наличие двух антагонистических идеологий.

Вырабатывая категории, понятия, принципы, идеология отражает весь окружающий мир, однако для ОПТ характерны только те предметы и явления, которые связаны с идеологической практикой человека, с защитой классовых интересов. Но и среди этих объектов, как указывает Г. В. Колшанский, необходимо разграничивать объект как таковой и объект как предмет познания (де-

нотат). «Денотат есть момент реального объекта, и только он фиксируется в сознании в логической форме и закрепляется в той или иной конкретной языковой единице. Какой денотат будет выбран в качестве представителя того или иного объекта, зависит от условий, при которых происходит фиксация свойств предмета в понятии и закрепление в слове» [9, с. 14]. Идеологический статус субъекта познания обуславливает выбор признака, по которому происходит обобщение предметов в некоторый класс. Так, в соответствии с буржуазной идеологической установкой ложно выделенный признак обобщает такие явления, как Sozialismus и Imperialismus, в один класс Sozialimperialismus: SOZIALISMUS — Bewegung gegen den wirtschaftlichen und politischen Liberalismus, die dem Arbeitnehmer mehr Einfluß auf die Verwendung der produktionsmittel und damit eine größere persönliche Unabhängigkeit und soziale Sicherheit geben will; IMPERIALISMUS — Streben eines Staates nach Weltmacht und Besitzerweiterung; SOZIAL-IMPERIALISMUS — Imperialismus sozialistischer Staaten [15].

«Социализм» трактуется как движение, направленное против экономического и политического либерализма в целях увеличения влияния рабочих на использование средств производства. «Империализм» же приводится в своем обыденном (нефилософском) значении как стремление к мировому господству и расширению собственности. Отсюда проистекает формирование ложного понятия по отношению к социалистическим государствам. Содержание понятия Sozialimperialismus не соответствует истинному положению вещей, но находится в полном соответствии с буржуазной идеологией, стремящейся дискредитировать социализм в глазах мировой общественности и таким образом защитить свои реакционные интересы.

Рассмотрение понятийной стороны ОПТ в идеологическом аспекте дает возможность выделения типологии денотативных связей термина через его понятие. Один и тот же объект как предмет познания может служить денотатом различных в семантическом отношении терминов. Различие обусловлено тем, что выделение существенных признаков, на основе которых формируется понятие, зависит от идеологических интересов познающих субъектов. В данном случае необходимо различать ОПТ.

Группа терминов, выражающих понятия, образованных на основе различных существенных признаков объекта (Nordatlantipakt);

ФРГ — Zwischen den USA, Kanada, Großbritannien, Frankreich, Italien, den Beneluxländern, Dänemark, Norwegen, Island und Portugal geschlossener Pakt zur gegenseitigen Verteidigung [13];

ГДР — imperialistischer Militärpakt, der sich gegen die sozialistischen Staaten, gegen die jungen Nationalstaaten, gegen die nationale Befreiungsbewegung sowie gegen die demokratische Bewegung in den Mitgliedsländern des Paktes selbst richtet. Seit der Existenz dieser vorrangig militärischen Koalition der wichtigsten imperialistischen Mächte unter der Vorherrschaft der USA ist der Friede in Europa permanent bedroht [14].

Особенностью этой группы ОПТ является то, что понятия выделяются по одному и тому же родовому признаку. В нашем примере это «договор», «пакт», «соглашение», однако видовые признаки различны: в ФРГ — «совместная оборона»; в ГДР — «организация, угрожающая социалистическим странам и миру в Европе». Следует отметить и тот факт, что признак, преподносимый дефиницией термина как существенный, может не вскрывать содержание понятия во всей его полноте. Так, сама деятельность НАТО ярко свидетельствует о том, что его функции не ограничиваются только оборонительными целями, а он сам давно уже снискал себе славу мирового жандарма.

Группа ОПТ, понятия которых выделяются по различным родовым и видовым признакам, искажая под влиянием буржуазной идеологии сущность объекта (Antimilitarismus):

ФРГ — Ablehnung jeglichen Wehr- und Rüstungswesens [15];

ГДР — gegen den Militarismus gerichteter immanenter Bestandteil des Kampfes der revolutionären Arbeiterbewegung gegen Imperialismus und imperialistischen Krieg [14].

Родовой признак понятия в дефиниции ФРГ выражается сущевительным «отказ», а в ГДР — словосочетанием «составная часть борьбы». Расхождение в видовых признаках имеет не только качественный, но и количественный характер. Так, дефиниция в ГДР содержит несколько видовых существенных признаков: [борьба] «против милитаризма», «против империализма», «против империалистической войны», [борьба, присущая] «революционному рабочему движению». Признаки дефиниции в ФРГ: [отказ от] «всяких» «средств обороны», «средств вооружения».

Нет необходимости производить скрупулезный анализ понятия в ФРГ, чтобы заметить искаженное представление антимиитаризма, дабы оправдать милитаристскую политику капиталистических государств, стремящихся замаскировать свои агрессивные цели, прикрывшись словами «оборонительное вооружение».

Группа ОПТ, в которой понятия, закрепленные за терминами под влиянием буржуазной идеологии, ложно отражают объект, родовые и видовые признаки, несущественны (Bolschewismus):

ФРГ — Herrschaftsform des sowjetischen Kommunismus [13];

ГДР — Theorie und Taktik des revolutionären marxistischen Flügels in der russischen Arbeiterbewegung mit dem Ziel, die Diktatur des Proletariats zu verwirklichen [16].

К этой группе относятся, как правило, термины, связанные с явлениями социальной жизни, исторического развития социалистических стран: sozialistischer Realismus, Diktatur des Proletariats, sozialistische Lebensweise и др. Формирование понятий, ложно отражающих объект, может быть обусловлено причинами двоякого рода. Во-первых, сознательное искажение сущности познаваемого объекта в идеологических целях. Во-вторых, неосознанное формирование понятия под влиянием идеологии из-за отсутствия условий, позволяющих адекватно познать объект социальной действительности совершенно иного рода.

Различные объекты социальной действительности служат денотатами различных в семантическом отношении терминов. Суть проблемы состоит в том, что представителями этих объектов являются, на первый взгляд, идентичные денотаты, фиксируемые в сознании и закрепляемые в понятиях, которые в свою очередь соотносятся с одним и тем же звуковым комплексом. Однако онтология объектов в корне различна (Demokratie):

ФРГ — auf einer Verfassung beruhende politische Ordnung, bei der die Staatsgewalt vom Volke ausgeht [13];— Staatsform, bei der ein Staat nach dem Willen des Volkes regiert wird [15];

ГДР — in einer Verfassung festgelegte Staatsform, in der die Macht auf allen Gebieten des gesellschaftlichen Lebens vom Volke ausgeht, deren Charakter jedoch durch die jeweils herrschende Klasse bestimmt wird [16]

ФРГ — основанный на конституции политический строй, при котором государственная власть исходит от народа; — государственная форма, при которой государство управляется в соответствии с волей народа;

ГДР — закрепленная в конституции государственная форма, в которой власть во всех областях общественной жизни исходит от народа, однако характер этой власти всякий раз определяется господствующим классом.

Идентичность денотатов возникает из выделенных одинаковых родовых признаков («политический строй», «государственная форма»), видовых признаков («государственная власть исходит от народа», «власть во всех областях общественной жизни исходит от народа»). Однако данные существенные признаки вместе с тем не являются достаточными для образования понятий, на основании которых можно провести разграничение между различными формами демократии, хотя последним и свойственна генетическая общность. «Достаточность и необходимость признаков, взятых в качестве основного содержания, можно рассматривать как критерий того, верно ли образовано понятие, как показатель точности понятия» [4, с. 162]. Именно поэтому дефиниция в ГДР содержит указание на то, что «характер власти всякий раз определяется господствующим классом». С учетом этого признака делается возможным разграничение объектов действительности (социалистической и буржуазной демократии), а не отождествление их.

Таким образом, онтологическая сторона ОПТ обуславливает ее использование в идеологической сфере человеческой деятельности. Идеология как систематизированная теоретическая часть общественного сознания детерминирует познавательные процессы. Наличие антагонистических идеологий вызывает семантическую дивергенцию ОПТ. Механизм идеологически обусловленной семантической дивергенции составляет различная интерпретация денотативного отношения термина, на основе которого возникают понятийные различия, о чем свидетельствуют выделенные группы и подгруппы ОПТ.

Список литературы: 1. *Актуальные проблемы языкознания ГДР* / Под общ. ред. Н. С. Чемоданова. — М.: Прогресс, 1979. — 342 с. 2. *Афанасьева А. И.* Коммунистическая идеология: понятие и социальная роль. — М.: Знание, 1981. — 64 с. 3. *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1979. — 416 с. 4. *Войшвилло В. К.* Понятие. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — 286 с. 5. *Дудченко Н. В.* Познание и идеология. — Киев: Политиздат Украины, 1980. — 110 с. 6. *Иванов В.* Идеология: характер и закономерности развития. — М.: Политиздат, 1977. — 303 с. 7. *Николаев М. Н.* О семантической бинарности дефиниции политического термина.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1979. — 16 с. 8. *Попа К.* Теория определения. — М.: Прогресс, 1976. — 248 с. 9. *Принципы и методы семантических исследований* / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Наука, 1976. — 378 с. 10. *Проблема знака и значения* / Под общ. ред. И. С. Нарского. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — 172 с. 11. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. — М.: Наука, 1976. — 176 с. 12. *Язык и идеология* / Под ред. Ю. А. Жлуктенко. — Киев: Вища школа, 1981. — 244 с. 13. *Helwig G.* Kennen Sie die neuesten Wörter? — München: Humboldt — Taschenbuchverlag, 1978. — 172 S. 14. *Kleines politisches Wörterbuch.* — Berlin: Dietz Verlag, 1973. — 1016 S. 15. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. — Hamburg: Mosaik Verlag, 1981. — 4356 S. 16. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.* — Berlin: Akademie — Verlag, 1966—1978. — 4580 S.

Поступила в редколлегию 20.10.82.

В. Д. ВОЛОДИНА, канд. пед. наук

КЛИШИРОВАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА ГАЗЕТЫ ГДР (НА МАТЕРИАЛЕ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

Своеобразие стереотипных средств, их определяющая роль в языке газеты «*Neues Deutschland*» выдвигают на передний план задачу исследования их языковой природы и особенностей функционирования. Возможность создания традиционных воспроизводимых средств выражения коренится в самой системе языка, его обогащающем характере. На эту важную особенность языкового развития указывал Л. В. Щерба: «Более пристальное рассмотрение нам показывает, что наш литературный язык часто заставляет нас отливать мысли в формы, им заранее заготовленные» [15, с. 113]. Наблюдая за широким использованием в речи готовых форм выражения, В. В. Виноградов писал: «В системе современного литературного языка слова, по большей части, функционируют не как произвольно и неожиданно сталкиваемые и сцепляемые отдельные компоненты речи, а занимая устойчивые места в традиционных формулах. Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише» [4, с. 121].

Стандартные единицы являются не только необходимыми, но и обязательными конструктивными элементами языка газеты. «В газетной речи нет почти ни одного слова, которое не было бы штампом, клише, шаблоном» [5, с. 107]. Тенденция к стандартизации средств выражения носит вполне закономерный характер и связана с действием принципа экономной затраты сил, который некоторыми лингвистами признается основным законом языкового развития. «Он

проявляется в накоплении, отборе и использовании системно сгруппированных воспроизводимых средств и форм выражения, соотносенных с определенными понятиями или явлениями, часто повторяющимися в жизни» [3, с. 80].

Важно учитывать и экстралингвистические факторы, которые оказывают существенное влияние на особенности языка газеты. Динамическая смена событий, определенное сходство фактов (аналогия), актуальность того или иного явления общественно-политической жизни обуславливают появление в газете стандартных форм выражения. Назначение газеты, условия ее создания приводят к употреблению готовых формул, которые способствуют скорости и оперативности передачи газетной информации. Данные факторы усиливают тенденцию широкого использования традиционных речевых форм, которые удобны не только потому, что требуют минимального напряжения при восприятии, но и облегчают и ускоряют работу «отправителя», позволяя ему не тратить усилий на поиски формулировок [6, с. 5].

Неисследованность проблемы проявляется в отсутствии общепризнанного термина для обозначения стереотипных выражений языка газеты. Для обозначения стандартных средств выражения в лингвистической литературе, особенно за рубежом, широкое распространение получил термин «клише» (cliche). Относя к клише разные по своей природе и функции образования, авторы часто проявляют единодушие в их негативной оценке и рекомендуют избегать клише. Данная негативная оценка характерна для большинства определений клише, даваемых зарубежными авторами. Они определяют клише как изношенные, избитые и банальные устойчивые выражения.

В лингвистической литературе ГДР клише определяют по-разному. Так, доктор Р. Клаппенбах называет их фразовыми шаблонами (phasenhafte Schablonen) [18, с. 134], а известный германист Э. Арприкола определяет их как «Wörter, die in der Mode oder besser im Schwang sind» [16, с. 228]. Немецкий лингвист Х. Либш относит к клише «Fertigstücke», т. е. словосочетания, которые благодаря своей актуальности часто употребляются и вследствие этого становятся клише, напр.: die Erhaltung und Sicherung des Friedens.

Советские ученые также по-разному трактуют эти единицы, классифицируя их как клише (Г. О. Винокур), традиционные словосочетания (А. И. Смирницкий), фразовые штампы (Н. Н. Амосова), шаблоны (А. П. Горбунов), штампы (Р. А. Будагов) и т. д. Перечисленные термины часто используются синонимически, что вносит дополнительные трудности в понимание их природы.

Целесообразно сначала выяснить вопрос о клише и штампах, так как с недифференцированным пониманием клише и штампы связаны нападки на язык газеты. Ряд исследователей выступают против стандартных средств языка, в том числе и против клише лишь потому, что они не учитывают природы языка газеты. Не разграничивая понятия «клише» (стандарт, стереотип) и «штамп» (шаб-

лон, трафарет), они осуждают все воспроизводимые готовые обороты, употребляемые в языке газеты.

Приведенные термины для определения воспроизводимых средств языка не совпадают полностью в своих значениях. Словарь лингвистических терминов тоже не делает различия между этими понятиями. «Клише — избитое, шаблонное, стереотипное выражение, механически воспроизводимое в типичных речевых и бытовых контекстах, либо в данном литературном направлении, диалекте и т. п.» [2, с. 197].

Теоретическая разработка проблем функциональной стилистики способствовала оживлению интереса советских исследователей к стандартным средствам выражения. Рассмотрение языковых явлений с точки зрения цели коммуникации, ситуации и сферы общения позволило преодолеть односторонний, негативный подход к стереотипным выражениям. Работы В. Г. Костомарова, Н. Н. Кохтева, Г. Я. Солганика и др. позволили глубже уяснить основные свойства традиционных средств выражения русского языка. В исследованиях этих лингвистов прослеживается новый подход к пониманию клише и их функционированию в газетных текстах. Доказательством этого служит дискуссия, проведенная в 1968 г. на страницах «Вестника Московского университета». Важным результатом этой дискуссии явился вывод о необходимости разграничения двух понятий, традиционно объединяемых в одно и обозначаемых одним термином [12, с. 76—80]. Так, Г. Я. Солганик предложил наряду со словом «штамп» ввести другой термин «словесное клише». «Штамп — это словесное клише с выветрившимся лексическим значением, стертой экспрессивностью. Шапмы — несомненный недостаток стиля. Словесные клише — необходимый и закономерный компонент любой речи» [13, с. 47].

На разграничении терминов настаивал и В. Г. Костомаров, который предложил использовать термины «стандарт» и «штамп». На мой взгляд, нужно терминологически различать «стандарт» и «штамп», называя штампом лишь тот стандарт, особенно лексический, который наносит при некорректном с ним обращении и излишнем повторении — вред мыслям» [7, с. 72—73].

В итоге было решено использовать два термина: «штамп» как показатель недостатка стиля, наиболее ярко отражающий эстетически ущербную сторону явления, и «клише» или «стандарт». Под стандартом В. Г. Костомаров понимает «любое интеллектуализованное средство выражения — независимо от характера и природы в его противопоставленности средствам с так или иначе выраженной экспрессией» [8, с. 180].

На наш взгляд, предпочтительнее использовать термин «клише» как наиболее нейтральный по своей окраске, «необходимый и закономерный компонент любой речи», обозначение положительной конструктивной единицы того или иного стиля.

Клише в языке газеты ГДР представляют собой разнообразные по синтаксической структуре и лексическому наполнению воспро-

изводимые единицы. Среди них встречаются слова, словосочетания и предложения.

Предметом нашего рассмотрения являются субстантивные клишированные словосочетания публицистического подстиля языка газеты «Neues Deutschland». Субстантивные клишированные словосочетания *die diplomatischen Beziehungen, die Politik der Stärke, friedliche Koexistenz* и др. ¹¹⁹занимают преобладающее место в языке немецкой газеты. Это объясняется тем, что публицистический стиль является наиболее субстантивным среди других стилей немецкого языка. Высокая субстантивация создается за счет преимущественного употребления существительных. Наиболее важная часть сообщения выражается в основном именами существительными и зависимыми от них словами.)

Принимая во внимание основную тенденцию современного развития фразеологии — определить специфику всех видов устойчивых словесных комплексов и отграничить фразеологические единицы от нефразеологических, мы рассмотрели под этим углом зрения субстантивные клишированные словосочетания (СКС).

СКС внешне не отличаются от свободных сочетаний. Их значение в целом определяется значением входящих в них компонентов. Однако они отличаются от последних. В этом вопросе мы полностью разделяем точку зрения Н. Н. Амосовой, которая считает, что «в отличие от простой повторяемости переменных сочетаний их устойчивость является результатом действия не только внеязыковых факторов (повторяемость предмета речи, совпадение речевых ситуаций), но одновременно и внутриязыкового — речевого узуса» [1, с. 103]. СКС мы рассматриваем как несвободные словосочетания, употребление которых «обусловлено узуально-стилистическими факторами» [1, с. 510]. Эти словосочетания, как правило, выступают в определенных стилях массовой коммуникации (газета, радио) или воспроизводятся как литературные штампы. Заштампованность их есть не что иное, как воспроизводимость в готовом виде. К фразовым штампам Н. Н. Амосова [1] относит такие образования: *struggle for peace, policy of force* и др. на основе их традиционной повторяемости без семантического преобразования. В немецком языке аналогичными примерами могут послужить словосочетания *der Kampf für den Frieden, Politik der Stärke* и др.

Некоторые исследователи называют газетные СКС публицистическими фразеологизмами, исходя из того, что они образуются по выраженным моделям, продуктивны, функционируют в языке газеты в готовой форме, появляются каждый раз в зависимости от актуальности того или иного явления общественно-политической жизни.

Устойчивость состава компонентов, воспроизводимость в готовом виде сближают СКС с фразеологизмами, однако они не эквивалентны им по двум причинам:

а) у СКС отсутствует переосмысление в составе компонентов. Подавляющее большинство фразеологов не считают фразеологизмами словесные группы, которым не свойственно семантическое

обособление, т. е. компоненты которых употребляются в своих буквальных значениях;

б) клише, характерные для языка газеты, строятся по моделям [9], а моделированные образования с типовым значением, какую бы стилистико-экспрессивную нагрузку они ни несли, не являются фразеологическими единицами.

Таким образом, возможность образования СКС по определенным структурно-семантическим моделям и отсутствие семантического преобразования компонентного состава принципиально отличают их от собственно фразеологических единиц. И. И. Чернышев словосочетания немецкого языка *die friedliche Koexistenz*, *die Berliner Frage* и др. относит к лексическим единствам [14]. Лексические единства — устойчивые сочетания слов, которые обладают цельностью номинации, осуществляемой на основе собственных значений слов-компонентов без их семантического преобразования: *die Deutsche Demokratische Republik*, *die Nationale Front* и др. Однако структурно-семантическая природа лексических единств и СКС неодинакова, что подтверждает анализ их функционирования в речи. Лексические единства проявляют большую устойчивость на структурном уровне: включение дополнительных компонентов внутри структуры недопустимо. СКС типа *internationale Zusammenarbeit*, *imperialistische Kreise* и др. при необходимости допускают изменение своей структуры, напр.: *internationale (ökonomische) Zusammenarbeit*, *imperialistische (aggressive, regierende) Kreise* и др.

Несмотря на то, что воспроизводимость клишированных словесных групп и поддерживается узусом, номинация их не всегда настолько фиксированна, чтобы способствовать их превращению в лексические единства [10]. СКС находятся на границе между лексическими единствами и свободными сочетаниями, составляя внешний предел устойчивых образований вообще.

Таким образом, субстантивные клишированные словосочетания определяются как функционально устойчивые раздельнооформленные моделированные словосочетания нефразеологического характера, употребление которых обусловлено узуально-стилистическими факторами. СКС выполняют в языке немецкой газеты номинативную функцию. Вмещая в свой объем большую информацию, они обеспечивают возможность выражения самых разнообразных понятий общественно-политической сферы общения, в силу чего, видимо, и стали в языке газеты ГДР продуктивными, общепринятыми и социально привычными.)

Итак, одной из особенностей языка газеты ГДР является широкое использование субстантивных клишированных словосочетаний. Требование общедоступности, понятности, краткости, предъявляемое к языку газеты, усиливает тенденцию широкого использования газетных клише. Привычность и доступность для читателей обеспечивают быстрое понимание клишированных словосочетаний. В этом смысле клише как положительное явление — эффективное сред-

ство, способствующее ускорению процесса декодирования газетных текстов.

Список литературы: 1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.— 208 с. 2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.— М.: Сов. энциклопедия, 1966.— 606 с. 3. Богуславский В. М. О некоторых особенностях языка газеты.— Рус. яз. за рубежом, 1968, № 4, с. 80—83. 4. Виноградов В. В. Современный русский язык.— М.: Учпедгиз, 1938.— 371 с. 5. Винокур Г. О. Культура языка. 2-е изд., испр. и доп.— М.: Федерация, 1929.— 335 с. 6. Костомаров В. Г. Слова — сигналы.— Рус. речь, 1967, № 3, с. 58—65. 7. Костомаров В. Г. Эстетствующее фразерство и проблема стандарта.— Вестн. МГУ. Сер. 11. Журналистика, 1968, № 4, с. 70—76. 8. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе.— М.: Изд-во МГУ, 1971.— 267 с. 9. Кохтев Н. Н. Клише и газетная речь.— Вестн. МГУ. Сер. 11. Журналистика, 1968, № 3, с. 38—44. 10. Литвинцева М. Г. Устойчивые образования нефразеологического характера.— *Вопр. германской филологии*. Иркутск, 1968, с. 25—33. 11. *Общее языкознание: Внутренняя структура языка* / Под ред. Б. А. Серебrenникова.— М.: Наука, 1972.— 565 с. 12. Розенталь Д. Э. К итогам обсуждения вопроса о штампах.— Вестн. МГУ. Сер. 11. Журналистика, 1968, № 6, с. 76—80. 13. Соляник Г. Я. О штампах и «газетном языке».— Вестн. МГУ. Сер. 11. Журналистика, 1968, № 2, с. 42—58. 14. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка.— М.: Высш. школа, 1970.— 200 с. 15. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку.— М.: Учпедгиз, 1957.— 188 с. 16. Agricola E. Gepflegtes Sprechen ist kein Luxus.— *Sprachpflege*, 1964, H. 11, S. 228—229. 17. Liebsch H. Besser und verständlicher durch stilistische Umformung.— *Sprachpflege*, 1962, H. 8, S. 161—162; H. 9, S. 180—182; H. 10, S. 205—207. 18. Stern J. P. Manipulation durch das Klischee.— *Sprache und Gesellschaft, München*, 1972, S. 261—268.

Поступила в редколлегию 25.06.82.

П. В. ДЖАНДОЕВА

О ТРУДНОСТЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Развитие международного сотрудничества значительно повысило роль научно-технического перевода, вызвав необходимость разработки ряда проблем методического характера в связи с введением научно-технического аспекта в преподавание иностранного языка. Однако до настоящего времени нет исследований, посвященных принципам отбора и активизации терминологического минимума специально для языковых вузов. Среди наиболее интересных исследований последних лет, касающихся тематики и принципов отбора терминологической лексики, следует отметить работу, проведенную за рубежом научным центром CREDIF [12], и учебный словарь общетехнической лексики, созданный советскими лексикографами [10]. Этот словарь может быть частично использован и студентами языковых вузов, хотя принципы отбора, тематика и его структура больше соответствуют потребностям учебного процесса в техническом вузе. По нашему мнению, при составлении учебного словаря-минимума научно-технической лексики для студентов-филологов нельзя ограничиваться перечнем наиболее употребляемых терминов и устойчивых сочетаний. Необходимо прежде

всего указать употребление предлагаемых терминов в родном языке и дать их иноязычные эквиваленты с анализом всех их значений в определенных областях. Только сопоставительный анализ значений термина в родном и иностранном языках позволит начинающему переводчику выбрать наиболее точный способ перевода данного термина на иностранный язык с учетом конкретной ситуации.

Исключительно важной задачей в процессе обучения техническому переводу является не только овладение начинающими переводчиками конкретной терминологической лексикой и свойственными научно-техническому стилю оборотами, но и теми особенностями, которые составляют основную трудность при овладении искусством перевода.

Одним из главных отличий научно-технического перевода от переводов других видов является значительная насыщенность текста специальными терминами. В чем же отличие термина от нетермина? При ответе на этот вопрос очень важно показать студентам, что главное различие «термин / нетермин» определяется функциями этих слов. Об этом говорил в свое время Г. О. Винокур [2], эту же мысль развивают в настоящее время В. Г. Гак, В. М. Лейчик, В. Н. Никифоров и др. [3]. Таким образом, основным критерием разграничения термина от нетермина является то, что «...термин — это прежде всего такая лексическая единица, значение которой состоит в ее соотносительности со специальным — научным или техническим понятием» [6].

Итак, поскольку в роли термина может выступать «всякое слово ... в особой функции», как и любое обиходное слово, термин обладает аналогичными признаками: полисемией, омонимией, синонимией, антонимией и т. д., специфическое проявление которых в терминологии и должно быть отмечено в процессе обучения переводу. Опыт преподавания показывает, что изучение особенностей терминологии только тогда плодотворно, когда анализируется терминологическая система в целом и ее отдельные микросистемы. Это и обусловило наше обращение в ряде случаев к терминологии подъязыка электроники в качестве иллюстративного материала нашего исследования.

Известно, что термины могут иметь межотраслевой характер и быть узкоспециальными. По мнению одних исследователей, первые представляют «межнаучную терминологическую омонимию» [9], по мнению других, их рассматривают в различных терминологиях как разные значения многозначных терминов [7]. Считаем, что при решении вопроса является ли межотраслевой термин многозначным термином или термином-омонимом, равно как и в отношении термина и общеупотребительного слова, послужившего основой для его образования, следует исходить из семантического признака, т. е. нарушения или сохранения тождества значений. Исходя из данного признака, сталкиваясь в русском тексте с многозначными терминами типа «правка», начинающие переводчики обычно легко разграничивают несколько его значений, относящихся к далеким

друг от друга термосистемам: правка отпечатанного листа — *coction*; правка листового металла (выравнивание) — *planage*; правка инструмента — *affinage*; правка сукна — *guidage*.

Следовательно, явление многозначности термина в несмежных терминосистемах отчасти может рассматриваться как положительный фактор, подчеркивающий сходство термина с общеупотребительным словом, когда выбор нужного значения многозначного термина определяется его тематической отнесенностью. Однако исследования последних лет показывают, что полисемия в пределах одной или смежных терминосистем наблюдается практически во всех исследуемых подъязыках. Обращение к одной из относительно недавно сложившихся микросистем научно-технической терминологии — электронике полностью подтверждает это положение, поскольку она включает как многозначные термины, соответствующие понятиям, специфическим только для подъязыка электроники (*ordinateur, radar, albedo*), так и термины, обозначающие понятия, одновременно существующие в смежных (*capacité, résistance, ruissance, charge, coquure*) и отдаленных системах (*mémoire, cerveau*). Полисемия зачастую присуща и абсолютным терминам данной терминосистемы: когда слово имеет однозначное терминологическое и общеупотребительное значение (напр.: *calculateur* — калькулятор, расчетчик, -чица; счетно-вычислительная машина) и когда слово имеет два и более терминологических значения в пределах данной микросистемы (напр.: *radar, accrochage, protection*).

Таких терминов в подъязыке электроники отмечено немало: по два значения имеют термины *addition, retour, support, charge, affichage, amplification, arc, décharge, décrochage* и др.; по три значения — *débit, cosse, cote, agencement, agir, agent, ajouter, application, arête, armoire, capot, charger* и др.; по четыре значения — *entrée, apport, arrêt*. Перечисленные выше примеры, взятые из конкретной микросистемы, позволяют нам небезосновательно присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают, что однозначность терминов — желательное явление в пределах любой терминологической системы, в реальной действительности относится только лишь к идеальным терминам [3] типа *duplex, électron, computer* и что терминология еще не выработала и, очевидно, никогда не выработает эффективной защиты от многозначности [11].

Практический опыт работы в области перевода и его преподавания в языковом вузе показывает, что наиболее объективным методом реализации значения полисемантического термина является контекстуальный анализ. Правильное определение материальных условий реализации значения слова обеспечивает его объективность, исключая возможность субъективистского подхода в интерпретации существующих значений термина. Хотя вопрос о взаимоотношении термина и контекста неоднократно рассматривался в ряде исследований [1; 8], в лингвистической науке не сложилось единого мнения по этому вопросу. Истоки этих расхождений восходят, по видимому, к положению об однозначности термина, выдвинутого

Д. С. Лотте [4]. Требование однозначности вполне оправдано: оно обеспечивает взаимопонимание между специалистами конкретных и смежных областей знаний. Однако языковая практика подтверждает наличие полисемантических терминов, значение которых в определенной терминологической системе может быть выявлено лишь с учетом контекста. Наиболее труден перевод многозначных терминов в том случае, когда контекст не дает возможности определить, к какой терминологической системе эти термины относятся. Иллюстрацией этого положения является перевод таких полисемантических терминов *puissance*, *résistance*, *charge*, *capacité*, *inductance* и др., которые вошли в терминологию многих областей техники (электротехника, автоматика, вычислительная техника, машиностроение и др.), сохраняя при этом несколько значений. Так, термин «*puissance*» в подязыке вычислительной техники означает мощность; степень, показатель степени; порядок числа. В подязыке электроники он имеет значения: мощность, способность, возможность, а в подязыке машиностроения, кроме указанных значений, может переводиться и как «производительность».

При обучении переводу следует обратить внимание учащихся на необходимость правильного выбора нужного эквивалента и на исключительно важную роль контекста в этом случае. Конкретизация значения полисемантического термина чаще всего обеспечивается минимальным контекстом или «микрконтекстом», когда окружающие данный термин слова (в препозитивном или постпозитивном положении) снимают неопределенность выбора между значениями. Так, первое значение термина «*puissance* — мощность» в подязыке вычислительной техники реализуется сочетанием слов *puissance absorbée*, *puissance d'aimantation*, *puissance calculée*, *puissance de commande* и др.; второе его значение — «степень, показатель степени» реализуется в словосочетаниях *élever à une puissance*, *la plus petite puissance*, *puissance fractionnaire* и др.; минимальным контекстом для реализации третьего значения «порядок числа» будут словосочетания *puissance de deux*, *puissance de dix*.

При контекстуальном анализе терминов следует обратить особое внимание учащихся на то, что «указательный минимум» [1], т. е. слова, определяющие значение полисемантического термина, могут быть контактными и дистантными определениями, т. е. находиться за пределами переводимого предложения и зачастую даже целого абзаца, страницы, главы. Главным при этом является не тип связи определяющих «ключевых» слов с реализуемым термином, а их лексическое значение. Решающий фактор при выполнении контекстуального анализа — стремление переводчика к возможно *полному осмысливанию* переводимого текста, т. е. к достижению такого понимания заложенной в тексте технической информации, которое позволит безошибочно выполнить контекстуальный анализ не только с позиции лингвистической, но и профессионально-технической, что позволяет переводчику иметь единственный объективный критерий для выявления «ключевого слова» в контексте.

Можно считать практически доказанным (теоретических исследований в этой области еще нет), что адекватный выбор терминов имеет место только при условии привлечения широкого технического багажа в данной отрасли: общее развитие переводчика, его опыт, знание конкретной ситуации, а подчас и интуиция. Вот почему так важно в процессе подготовки переводческих кадров не только обеспечить правильный отбор лексики, не только обучить их переводным штампам, закономерностям терминотворчества и умению правильно построить соответствующий эквивалент при наличии неологизмов, но и правильно подобрать справочные материалы на родном языке, предварительная проработка которых совершенно необходима для облегчения понимания исходного переводимого текста, накопления определенного минимума технических знаний и обогащения их терминологического словаря. Чрезвычайно важно научить начинающих переводчиков четко представлять себе обозначаемое термином понятие, привить навык работы со справочной литературой и словарем, так как «слепое» (некритическое) использование словаря без учета контекста может быть только источником недоразумений. Особенно часто это бывает тогда, когда для одного и того же понятия существует два и более языковых знака, поскольку в научно-технической литературе широко представлена и синонимия терминов, которая в процессе перевода представляет не меньшую опасность для переводчика, чем полисемия.

Следует помнить о том, что синонимия может быть истинной, когда одно и то же понятие выражается различными языковыми знаками, т. е. абсолютными синонимами, или дублетами; кажущейся, т. е. неполной. В последнем случае, когда неполные синонимы несколько разнообразят текст, они просто вредны. Например, термину «вычислительная машина» во французском языке соответствуют значения *calculateur*, *-trice*, *machine à calculer*, *ordinateur*, *computer*. Однако термины «*calculateur*, *-trice*; *ordinateur*» — неадекватные синонимы, так как первый обозначает «устройство для выполнения расчетов, обслуживаемое пользователем вручную», а второй — обозначает систему для автоматической обработки информации, являясь полным синонимом термина «*computer*».

Как и в случае полисемии терминов, внимание учащихся следует направлять на контекст, который решит правильный выбор французского эквивалента из данного синонимичного ряда.

Таким образом, проблема систематизации терминологических трудностей, возникающих в процессе обучения техническому переводу, чрезвычайно актуальна и ее решение имело бы большое теоретическое и практическое значение.

Список литературы: 1. Амосова Н. Н. Слово и контекст. — Учен. зап. ЛГУ, 1958, № 243. Сер. филол. науки, вып. 42, с. 13. 2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — Науч. тр. / Моск. ин-т истории, философии и литературы, 1939, 5, с. 3—54. 3. Гак В. Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии. — В кн.: Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М.: Изд-во МГУ, 1971, ч. 1, с. 68—71. 4. Лот-

те Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 90. 5. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. — М.: Воениздат, 1980. — 237 с. 6. Овчаренко В. М. Цельносемантическая языковая знака, в частности термина. — В кн.: Место терминологии в системе современных наук: Тез. докл. и сообщений. М.: Изд-во МГУ, 1970, с. 88. 7. Прозоров О. С. Роль научно-технической терминологии в развитии словарного состава современного французского языка: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1968. — 22 с. 8. Реализация значения и контекст. — Науч. тр./ Ленингр. пед. ин-т, 1975. — 173 с. 9. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1967, с. 103—126. 10. Рудакова И. Ф., Берг Ю. Г., Гилянова Г. Ф. Учебный словарь общетехнической лексики (русско-англо-французско-немецкий) для студентов-иностранцев. — М.: Рус. яз., 1976. — 192 с. 11. Mielczarek A. Polisemia w terminologii w jezykowej. — *Poradnik jezykowy*, 1966, N 2, S. 59—69. 12. *Vocabulaire général d'orientation scientifique* (CREDIF). — P.: Didier, 1971. — 128 p.

Поступила в редколлегию 17.12.82:

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

ВАРИАНТНОСТЬ И СИНОНИМИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема вариантности и синонимии грамматических форм тесно связана с проблемой формального и семантического варьирования грамматических единиц. Содержательной стороне варьирования на грамматическом уровне до недавних пор не уделялось должного внимания [13, с. 18].

Разумеется, грамматическое варьирование в плане содержания должно рассматриваться через призму явлений полисемии и омонимии. Рассмотрение морфологической синонимии не должно проводиться в отрыве от вопроса о нейтрализации оппозиций, так как некоторые лингвисты ставят ее в прямую зависимость от нейтрализации [10, с. 121; 12, с. 40]. Е. И. Шендельс доказывает возможность синонимии как следствия нейтрализации, а И. Б. Хлебникова — невозможность такой синонимии. Нельзя также игнорировать влияние функционально-стилистических, контекстуально-ситуативных и социально-территориальных факторов, обуславливающих существование грамматических вариантов и синонимов.

Анализируя отношения между планом выражения и планом содержания, Н. Д. Арутюнова [1, с. 42—43] приходит к выводу о соотношенности формы знака со структурой языка, а его функционирования (значит и семантики) — с системой языка. Изменение формы знака свидетельствует о развитии структуры языка, а изменения функций знака — о преобразованиях в системе языка. Можно в целом согласиться с утверждением Н. Д. Арутюновой об относительной самостоятельности плана выражения и плана содержания. Исходя из этого, рассмотрим вариантность и синонимию по возможности раздельно.

Вариантность. Можно думать, что здесь не должно быть противоречивых мнений, потому что среди лингвистов нет разногласий относительно определения варианта. К вариантам обычно относят незначительные формальные модификации лингвистических единиц, не связанные с изменением их основного значения. Морфологическим вариантом считают вариацию в форме одного слова, в пределах одной грамматической категории [10, с. 124]. Однако уже в этом определении заложено противоречие, а именно в понятии «форма одного слова». Например, одни лингвисты относят определенные конструкции к аналитическим формам английского глагола, а другие нет.

Так, Л. С. Бархударов [2] считает, что английский глагол не имеет аналитической формы будущего времени. Большинство американских и английских лингвистов не отличают конструкцию «shall/will + инфинитив» от сочетаний с модальным глаголом, даже если она используется для выражения будущего действия. Для В. Н. Ярцевой вопрос об аналитических формах имеет принципиальное значение при рассмотрении вариантности, так как она считает, что усеченные формы 'll, 've, 'd и т. д. следует рассматривать как варианты не вспомогательных глаголов самих по себе, а в единстве с лексически значимой частью аналитической формы. Иными словами, 'll go, 've done, 'd like и т. д. являются вариантами аналитических форм will go, have done, would like и т. д. Если же принять точку зрения Л. С. Бархударова, то 'll будет вариантом глагола will.

Считаем, что «shall/will + инфинитив» — аналитическая форма, выражающая не будущее время, а действие, следующее за каким-либо моментом на оси настоящего или же на оси прошедшего времени, т. е. форму, указывающую последовательность событий по линии перспективного развития, в отличие от перфекта, служащего для выражения последовательности событий по линии ретроспективного развития.

Сочетание shall/will с инфинитивом можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, можно рассматривать вариантность форм «будущего» уже в парадигматике, так как во всех национальных вариантах английского языка (в устной и письменной форме реализации языка) shall и will свободно варьируют в первом лице. Исследование на материале выборки из газетных и художественных текстов, а также опроса информантов показывает тенденцию к вытеснению shall глаголом will во всех национальных вариантах. Правда, в британском английском (BE) shall оказывает will более упорное сопротивление, но и там, судя по результатам опроса информантов, в устной речи преобладает will (в текстах выборки для BE доли shall и will примерно равны). Во-вторых, как и у остальных аналитических форм, вспомогательный глагол аналитической формы будущего имеет усеченную форму 'll. В отличие от некоторых исследователей проблемы считаем, что 'll — усеченная форма will, но не shall [17]. В доказательство того, что 'll может быть усе-

ченной формой *shall*, они приводят примеры, формально напоминающие разделительный вопрос *We'll be seeking you this evening, shall we?* Но Р. Клоуз [5] пишет, что в данном примере выбор *shall* происходит независимо от значения предыдущего *'ll*. Добавим, что здесь *shall*, как и везде в вопросительных предложениях с первым лицом, выражает модальное значение «необходимость» и, следовательно, несоотносимо с *'ll*, так как ни один автор не полагает, что *shall*, выражающий необходимость, может иметь усеченную форму. Аналогичным образом (даже с большим правом) можно утверждать, что *'d* — усеченный вариант только глагола *would*.

Еще один случай, затрагивающий глагольную парадигму, — употребление формы *was* вместо *were*, формы сослагательного II глагола *be*. *Was* и *were* свободно варьируются при подлежащем, выраженном местоимением или существительным в единственном числе. Данное явление не следует смешивать с диалектным употреблением *was* даже при существительном во множественном числе. В связи с варьированием *was* и *were* в ирреальных значениях возникает проблема толкования этого явления. Здесь все зависит от точки зрения на формы, которые, как и А. И. Смирницкий, называем формами сослагательного II [6]. В последнее время все чаще высказывается мнение о том, что в периодах нереального условия употребляются не формы сослагательного наклонения, омонимичные формам прошедшего времени изъявительного наклонения, а сами формы прошедшего времени изъявительного наклонения, употребленные в переносном, метафорическом значении, обусловленном контекстом [13].

Однако в последней теории есть слабые стороны. Так, Л. С. Ермолаева [4], наиболее решительно проводящая эту точку зрения, находит в английском языке аналитическую форму ирреального наклонения — «кондиционалиса», образуемую сочетанием «*should/would* + инфинитив». Во-первых, вызывает возражение уже тот факт, что формы *should* и *would* отрываются ею от форм *shall* и *will*. В современном английском языке известен случай отрыва модального глагола *should* от модального глагола *shall*, чьей претеритальной формой он был ранее, но Л. С. Ермолаева имеет в виду не этот модальный глагол. Во-вторых, Л. С. Ермолаева считает, что так называемое «будущее в прошедшем» — это тот же «кондиционалис». В таком случае получается, что самостоятельная форма ирреального наклонения оказывается в отношении дополнительной дистрибуции с формами прошедшего времени изъявительного наклонения. Если в случае периодов нереального условия формы прошедшего времени изъявительного наклонения транспонируются в сферу ирреалиса [4], то в косвенной речи они остаются самими собой (по крайней мере, об их статусе в этой связи Л. С. Ермолаева умалчивает). До сих пор в языкознании считалось, что дополнительная дистрибуция означает, что речь идет о вариантах формы одной и той же языковой единицы.

Ввиду непоследовательности аргументации в пользу указанной

точки зрения, а также значительных различий в значении и дистрибуции омонимичных форм считаем целесообразным различать их как формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного II, причем «should/would + инфинитив» — форма сослагательного II независимо от статуса, приписываемого «shall/will + инфинитив» (будь то аналитическая форма «будущего» или же просто модальное сочетание). Отсюда появление was следует рассматривать как инновацию, которая в случае вытеснения were формой was при подлежащем в единственном числе может привести к выравниванию парадигмы, когда все глаголы будут иметь формы сослагательного II, омонимичные формам прошедшего времени изъявительного наклонения.

В разговорной речи форма was вытеснила were почти повсеместно, за исключением оборота if I were ..., где частотность was не поднимается выше 40 % в BE, американском (AE) и канадском (CanE). В австралийском (AuE) и новозеландском (NZE) английском частотность was превышает 80 % даже с местоимением I. Письменная речь в нашей выборке представлена в основном газетными текстами. По данным этой выборки, в письменной речи частотность was повсеместно не превышает 30 %, за исключением выборки для NZE, где частотность was превышает 50 %. Несмотря на то, что процесс вытеснения were формой was зашел довольно далеко, он все же напоминает случаи устойчивого варьирования форм, не вызывающего изменений на протяжении нескольких веков. А. А. Хадеева-Быкова [9] пишет, что тенденция к замене формы сослагательного II were формой was возникла по свидетельству ученых в XVII в., особенно интенсивно проявилась во второй половине, а в середине XIX в. наблюдалось значительное ослабление этой тенденции. Анализ в видимом времени, т. е. опрос информантов разных поколений, показывает, что молодые носители языка употребляют was меньше по сравнению со старшим поколением. Поэтому о полном стирании формальных различий между сослагательным II и претеритом индикатива говорить еще рано, а тем более основывать на этом стирании мнение о том, что форм сослагательного наклонения в современном английском языке не существует. Следует также помнить, что приходится говорить не только о формах экзистенциального be и be-связки, но также о длительных формах и формах страдательного залога (об этом, по-видимому, забывают).

Еще один случай, затрагивающий глагольную парадигму, — опущение -s (окончание 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения). Но между свободным варьированием shall и will, was и were и опущением окончания -s существует большое различие. Если варьирование shall и will, was и were наблюдается, хотя и в разной степени, в речи представителей всех социальных и культурных слоев общества, то опущение -s характерно для речи представителей социальных низов. Правда, в США, как свидетельствует Р. Мак-Дэвид [15], даже культурные информанты, проживающие в центральных северных штатах,

употребляют в разговорной речи формы типа *he don't care*, но они никогда не употребляют таких форм в письменной речи или же официальной устной речи. Выражаясь языком социолингвиста, в речи социальных низов опущение *-s* можно считать стратификационной переменной, а в речи «культурных информантов», стоящих несколько выше на социальной лестнице, такое опущение является, по-видимому, стратификационно-ситуативной переменной [11]. Особенно часто *-s* опускается у глагола *do* при отрицании: *You know it don't take much intelligence* (T. Williams).

В связи с опущением *-s* необходимо указать, что вряд ли следует связывать тенденцию к опущению окончания *-s* в ВЕ с возрастанием частотности сослагательного *I*, как это делает Ч. Барбер [14]. Дело в том, что опущение *-s* — субстандартное явление, а сослагательное *I* распространено в речи представителей всех социальных слоев не только в США, но и в Великобритании.

Возвращаясь к усеченным формам вспомогательных глаголов, отметим, что усеченные формы встречаются в основном в устной речи, особенно разговорной, а также в переписке неофициального характера (личной). В официальной устной речи, а тем более письменной, усеченные формы не употребляются. Некоторые лингвисты склонны усматривать в растущем количестве усеченных вариантов стремление различных аналитических форм английского глагола к синтетизации. Но, во-первых, для письменной речи усеченные варианты не характерны. Во-вторых, усеченные формы почти отсутствуют в отрицательных и вопросительных конструкциях (*'Il not* встречается намного реже, чем *won't*); в отрицательных конструкциях наблюдаются такие особенности: *shan't* не характерно для АЕ, *ain't* считается субстандартным во всех национальных вариантах, АЕ отличается от ВЕ тем, что в нем регулярны конструкции типа *I don't have any books*. У глагола *do*, который, по мнению большинства лингвистов, аналитических форм не образует, в вопросительных конструкциях появляется усеченный вариант *d'*, где, в отличие от других вспомогательных глаголов, усечению подвергается не начальный, а конечный элемент: *Wilfe: What d'you mean...?* (A. Wesker).

В разговорном английском также возможно опущение всего вспомогательного глагола, связки *be* и глагола *have* в сочетании *have got* (в значении «иметь»). Здесь, по-видимому, следует разграничивать случаи эллипсиса, когда опускается подлежащее и вспомогательный глагол: *Gregory: Been hard at it have you?* (A. Ayckbourn), и случаи опущения вспомогательного глагола или глагола-связки: *Dodger: What you laughing at?* (A. Wesker). Подсчеты показывают, что эллипсис — нормативное явление, в то время как опущение вспомогательного глагола или связки характерно в основном для диалектной речи.

Говорить о появлении каких-либо изменений можно было бы лишь во втором случае, т. е. о ушении только вспомогательного глагола при условии проникновения данного явления в литератур-

ную речь и дальнейшего в ней распространения. Если присмотреться внимательнее, то такое опущение тоже не может дать каких-либо новых форм.

Примечательно, что опускается только форма настоящего времени вспомогательного глагола или связки. При реализации тенденции к опущению связки *be* в английском языке могло бы иметь место явление, сходное с наблюдаемым в русском языке, где в настоящем времени связка «быть» материально не выражена, а значение настоящего времени передается противопоставлением с формами прошедшего и будущего времени, т. е. с помощью парадигмы предложения. Однако говорить о таких последствиях рано, так как опущение связки *be* в английском языке ограничивается субстандартной речью.

Синонимия глагольных форм. Проблема грамматической синонимии лишь недавно стала привлекать внимание исследователей и не может на данном этапе считаться решенной. Грамматическую синонимию часто связывают с нейтрализацией грамматических оппозиций [12, с. 7]. И. Б. Хлебникова же настаивает на коренном различии нейтрализации и синонимии, так как синонимия — явление устойчивое, а нейтрализация — окказиональное и в ряде случаев непредсказуемое. Она неустойчива и не образует синонимический ряд, так как члены нейтрализуемой оппозиции имеют контрастные грамматические признаки, в соответствии с которыми они занимают место в микросистеме [10, с. 123]. Иными словами, И. Б. Хлебникова признает лишь существование контекстуальных морфологических синонимов типа *I have lived here many years* и *I have been living here many years*. Толкование таких форм [16] подтверждает высказывание И. Б. Хлебниковой, потому что для Дж. Лича и наших информантов *have lived* и *have been living* даже в таком идентичном окружении различаются своими категориальными видовыми значениями.

Мы согласны с И. Б. Хлебниковой в том, что грамматическая синонимия почти никогда не является результатом нейтрализации оппозиций. С другой стороны, у глагола в английском языке есть формы, которые можно было бы считать системными синонимами*. Это формы настоящего и прошедшего перфекта и форма претерита, так как они прямо не противопоставлены друг другу и не образуют оппозиции. Поэтому очень часто формы перфекта и претерита взаимозаменяемы, например в сочетании с наречиями *always, ever* и *never*, в предложениях с союзами *before* и *after*. Сказанное характеризует их скорее как контекстуальные синонимы. Чисто же системными и даже абсолютными синонимами перфект и претерит являются в диалектах *BE*, а в *AE* — во всех типах устной речи (тяготеющих к литературной норме и субстандартных). В литературном *BE* претерит и перфект обнаруживают сходство

* Системные синонимы — словоформы со слабовыраженными различительными признаками [12, с. 7].

по одному признаку — «предшествование» и расхождение — по другому: для претерита это «дистантность», а для перфекта — «контактность» по отношению к моменту речи. Сходство перфекта и претерита по признаку предшествования иллюстрируется убедительнее всего тем, что согласование времен наблюдается после обеих форм.

Морфологические синонимы — это следствие не утери или ослабления категориального признака при нейтрализации, а приобретения в речи, в синтагматике, не свойственных данным грамматическим формам, т. е. некатегориальных значений [3, с. 187]. Последнее замечание относится к немаркированным категориальным формам, т. е. претерит может употребляться вместо перфекта, но не наоборот. А. В. Бондарко пишет, что категориальные значения образуют ядро грамматической семантики, которое окружено периферийной сферой некатегориальных значений — сферой лексики на службе грамматики, дополнительных несобственных функций грамматических категорий, сложных межатекстуальных комбинаций, разноуровневых комбинируемых способов выражения семантики, содержательно аналогичной категориальным значениям [3, с. 188]. Вызывает возражение формулировка «сферой лексики на службе грамматики». Ведь «служанка» часто оказывается гораздо влиятельнее «госпожи». В случаях «Завтра я еду в Ленинград» или *We start at 5 a. m. tomorrow* форма настоящего времени выражает будущее действие именно благодаря лексическому указателю будущего времени. Далее, нейтрализация дифференциальных признаков происходит именно из-за несовместимости категориального значения формы и семантики лексической единицы, ее наполняющей. Здесь достаточно привести случаи, где определенные лексико-семантические варианты глаголов не могут иметь форму длительного вида.

Даже в случае нейтрализации простая форма не становится абсолютным синонимом длительной. Так, по свидетельству Дж. Лича [16, с. 21], *I see a bird* передает значение мгновенности и употребляется намного реже, чем конструкция *I can see a bird*, являющаяся эквивалентом длительной формы. Экспериментальная проверка на информантах подтверждает мысль Дж. Лича: предложенные фразы *I see a lamp at the moment*; *I hear a noise at the moment*; *I smell bacon at the moment* были отвергнуты и заменены информантами *I can see a lamp at the moment*; *I can hear a noise at the moment*; *I can smell bacon at the moment*.

За последнее десятилетие появились работы, доказывающие неверность традиционного мнения о существовании в английском языке ряда глаголов, не имеющих длительных форм, а В. И. Фефелов и Г. С. Шур пришли к выводу, что почти все непроцессуальные глаголы имеют длительные формы [8, с. 63]. В то же время они не согласны с учеными, которые связывают употребление непроцессуальных глаголов в длительной форме с появлением у них значения процессуальности. По их мнению, длительные формы таких

глаголов часто употребляются для того, чтобы избежать официальности и не показаться недружелюбным или слишком категоричным.

Подобные оттенки свойственны не только длительным формам, но и простому прошедшему. Один информант-филолог так расположил вопросы, содержащие разные формы одного и того же глагола: *Do you want to see someone?* (не очень вежливо); *Did you want to see someone?* (вежливее); *Were you wanting to see someone?* (еще вежливее). В связи с употребительностью/неупотребительностью некоторых глаголов в длительной форме Дж. Лич высказывает ценную мысль о том, что один и тот же глагол может принадлежать к нескольким классам [16, с. 22]. Иными словами, когда встречается длительная форма так называемого «непроцессуального» глагола, то в большинстве случаев речь идет о процессуальном лексико-семантическом варианте (ЛСВ) этого глагола [7, с. 413].

Другим примером модификации категориального значения под влиянием лексического наполнения словоформы является употребление предельных глаголов в длительной форме. У этих глаголов в таких случаях возникает значение отсроченного предела и, таким образом, действие, обозначенное предельным глаголом в форме длительного настоящего, транспонируется в сферу будущего: *My aunt's coming to stay with us* (G. Leech). Это не значит, что только длительная форма предельного глагола может означать будущее действие. При наличии внешнего лексического указателя будущего времени длительная форма настоящего времени непредельного глагола также транспонируется в сферу будущего: *Sheila: Are you playing golf this morning?* (A. Ayckbourn).

Среди средств выражения будущего действия определенное место занимает и простая форма настоящего времени, но она транспонируется в будущее только при наличии лексического указателя будущего времени: *We start for Istanbul to-night* (G. Leech).

При выражении будущих действий длительность часто не является релевантным признаком. В предложениях типа *When will you be moving to your new house?* стремятся выразить действие, не обремененное дополнительными модальными оттенками (волеизъявление, план или намерение), или же избежать истолкования вопросительного предложения с *will you* как побуждения: *Will you put on another play soon?* («Please!»); *Will you be putting on another play soon?* («Is this going to happen?») — G. Leech). В единичных случаях возможно свободное чередование форм настоящего и будущего времени при обозначении будущих событий *I hope the train isn't won't be late* (G. Leech).

До сих пор рассматривалась синонимия глагольных форм в пределах изъявительного наклонения. Опишем случай, где в качестве синонимов выступают простой презенс индикатива, сочетание «*should* + инфинитив» и, как обычно говорят, остаток древнеанглийского презенса конъюнктива, который назовем сослагательным I [6]. Такая синонимия имеет место в придаточных пред-

ложениях после глаголов типа *demand, insist, suggest* и т. п. и производных от этих глаголов существительных: *The resolution he moved demanded that the next Labour Government pledged itself «to restore free school milk and the level of subsidy for school meals» (Morning Star). A statement by the joint chapel's committee rejected the closure and demanded that the sacking be treated as a lock-out. Every millionaire's newspaper yesterday... demanded that the miners should vote against their leaders' recommendation... (Morning Star).*

Свободное чередование форм индикатива, сослагательного I и конструкции «*should + инфинитив*» наблюдается также в придаточных после оборотов типа *It is necessary (urgent, essential, important и т. д.)*. Употребление индикатива после указанных глаголов и оборотов характерно в основном для BE.

Следует отметить, что исследователи редко различают употребление форм в придаточных с *that* после *demand, insist* и т. п., *it is essential, urgent* и, с одной стороны, и оборотов типа *it is annoying, ironic, surprising* и — с другой. Между тем придаточные после этих двух наборов отличаются пресуппозицией. Так, *It is strange that he should do it* подразумевает, что «он это делает», в то время как *It is necessary that he should do it* такого не подразумевает. По той же причине правильным является предложение *It is strange that he should have done it*, но не **It is necessary that he should have done it*. Можно сказать *It is (was) regrettable that Carl came*, но нельзя **It is necessary that Carl came*. Эти факты объясняют причину отсутствия сослагательного I в придаточных с *that* после *it is ironic, strange* и т. д. В конструкциях с *should* после рассматриваемых двух типов оборотов реализуются разные ЛСВ модального глагола *should*: *should* долженствования (после *it is necessary* и *should* предположения после *it is strange*).

Параллельное употребление сослагательного I, индикатива и конструкции «*should + инфинитив*» (для всех лиц) наблюдается также в условных придаточных предложениях. Но употребление сослагательного I в условных придаточных характерно лишь для письменной речи. Кроме того, в нашей выборке из газетных текстов встретилось только пять случаев, причем все с глаголом *be*. Если еще в начале XVII в. можно было употреблять формы сослагательного I других глаголов (Ср.: *Ye are the salt of the earth: but if the salt have lost his flavour, wherewith shall it be salted? (The Bible, 1611)*), то сейчас нельзя сказать или написать **If he come ask him to wait*. Это предложение неизменно исправлялось информантами на *If he comes ask him to wait*.

В отличие от придаточных после *demand, insist*, а также оборотов *it is important, necessary*, в придаточных условиях собственно синонимами являются редко встречающиеся здесь сослагательное I и конструкция «*should + инфинитив*», которые по своим модальным значениям отличаются от формы индикатива. Из-за этого сходства значений «*should + инфинитив*» иногда считают аналити-

ческой формой сослагательного или предположительного наклонения. Не углубляясь в дискуссию по этому вопросу, скажем, что сама дистрибуция «should + инфинитив» противоречит такому толкованию, а значение «предположительность» характеризует один из ЛСВ модального глагола should.

В связи с распространением в ВЕ сослагательного I и некоторых других явлений иногда говорят, что это следствие влияния АЕ. Сравнение с предыдущими состояниями английского языка, а также результаты микродиахронического исследования на материале трех временных срезов, отделенных приблизительно 30-ю годами, в XX в. показывают, что прямой связи между упомянутыми фактами нет, так как по данным нашей выборки увеличение частотности сослагательного I в ВЕ приходится на период до Второй мировой войны, т. е. до усиления влияния США на англоязычные страны и усиления влияния АЕ на ВЕ и другие национальные варианты английского языка. Те самые исследователи, которые склонны объяснять «возрождение» сослагательного I в ВЕ влиянием АЕ, отмечают, что ВЕ проявляет удивительную стойкость, сопротивляясь проникновению в него свойственной АЕ тенденции употреблять в разговорной речи претерит вместо перфекта. По свидетельству наших информантов-англичан, они не спешат употреблять тот или иной вариант или синоним, если это ярко выраженный американизм.

Заметного роста частотности претерита как конкурента перфекта в ВЕ не наблюдается. Немаловажно то, что частотность претерита в таких функциях, как в АЕ и в ВЕ, заметно выше в субстандартной речи. Частотность претерита в субстандартной речи подсчитывать затруднительно вследствие обычного там опущения вспомогательного глагола перфекта have и контаминации форм претерита и перфекта. Ср.: Nurse: I never seen anything like it before. Jabe: Nobody else did either (T. Williams). Тот факт, что замещение перфекта претеритом более распространено по обе стороны Атлантического океана в субстандартной диалектной речи, является ещё одним аргументом против гипотезы о влиянии АЕ на ВЕ, так как социальные низы США и Великобритании не могут влиять друг на друга.

Таким образом, не вполне правомерно пытаться объяснять сходство речевого употребления в АЕ и ВЕ влиянием одного национального варианта на другой, особенно в области грамматики. Никто не берется утверждать, что в давно разобщившихся английском и немецком языках сходство развития некоторых форм, например английских foot — feet или mouse — mice и немецких Fuss — Füße или Maus — Mäuse, объясняется влиянием английского на немецкий, или наоборот.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. О минимальной единице грамматической системы. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969, с. 27—45. 2. Бархударов Л. С.

Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. школа, 1975. — 156 с. 3. *Бондарко А. В.* Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976, с. 180—202. 4. *Ермолаева Л. С.* Типология развития системы наклонений. — В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука, 1977, с. 212—290. 5. *Клоуз Р. А.* Справочник по грамматике для изучающих английский язык: Посobie для учителя. — М.: Просвещение, 1979. — 352 с. 6. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959 — 440 с. 7. *Уфимцева А. А.* Лексика. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972, с. 394—455. 8. *Фефелов В. И., Щур Г. С.* Еще раз о непроецессуальных глаголах и распространенных формах в английском языке. — Вопросы грамматического строя германских языков, 1975, вып. 1, Омск, с. 62—73. 9. *Хадеева-Быкова А. А.* Сослагательное наклонение II в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1956. — 24 с. 10. *Хлебникова И. Б.* Сослагательное наклонение в английском языке. — Калинин: Моск. рабочий, 1971. — 173 с. 11. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. — М.: Наука, 1977. — 176 с. 12. *Шендельс Е. И.* Грамматическая синонимия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1964. — 51 с. 13. *Ярцева В. Н.* Проблема вариативности на морфологическом уровне языка. — В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979, с. 7—27. 14. *Barber Ch.* Linguistic Change in Present — Day English. — Edinburgh, Lnd.: Longman, 1966. — 155 p. 15. *McDavid R. I. and McDavid Virginia.* Grammatical differences in the North Central States. — American Speech, 1960, N 1, 35, p. 12—17. 16. *Leech G.* Meaning and the English Verb. — Lnd.: Longman, 1971. — 131p. 17. *Palmer F. R.* A Linguistic Study of the English Verb. — Lnd.: Longman, 1965. — 199 p.

Поступила в редколлегию 05.10.82.

Г. В. ЕЙГЕР

КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Контаминацию можно определить как ненормативное соединение в результате интерференции компонентов двух (реже более) конструкций, обладающих определенным формальным и семантическим сходством. В. Порциг отмечает следующие психологические особенности процесса возникновения контаминации. Коммуникативная ситуация вызывает в сознании две языковые единицы [4, с. 101]. Речь начинается до принятия решения, и поэтому обе единицы оказываются представленными в высказывании своими частями [6, с. 172].

Опираясь на современное представление о памяти [2], возникновение контаминации можно конкретизировать: благодаря семантической общности вступающие во взаимодействие слова объединены общей смысловой «обоймой»; при выборе нужного значения сначала возникают общие семантические контуры и эти «обоймы» мобилизуются, а при выборе может выступить любая единица «обоймы». Продуцент начинает формулировать мысль, опираясь на определенную, соответствующую содержанию конструкцию, а затем «соскальзывает» на другую, тождественную или близкую первой [3, с. 24], поскольку в памяти сохранилась и другая струк-

тура. Поэтому третье утверждение В. Порцига не имеет достаточных оснований.

Ошибки в работе механизма контроля можно объяснить тем, что после выбора «обоймы» для продуцента вопрос оказывается в принципе решенным: имеется общее представление, а остальное — дело речевой техники; доминирует (как и во многих других случаях) контроль содержания [1, с. 145]. Исходя из общей блок-схемы аналитаторской системы человека [5, с. 230], можно предположить, что контроль правильности формы порождаемых единиц должен происходить на основе блока кодирования простых признаков. В качестве таковых можно рассматривать компоненты взаимодействующих слов. Указанный блок не распознает неэталонный характер комбинации морфем. Возможность их рекомбинирования можно рассматривать, в частности, как одно из доказательств того, что морфемы (лексические и грамматические) хранятся в памяти автономно. Это не исключает того, что конкретные слова, построенные по определенным «эталонным» моделям, также хранятся отдельно.

На словообразовательном уровне контаминация охватывает почти все части речи, но особенно характерна для глаголов. В структурном плане здесь различаются два случая: а) пересечение (трансформация представляет собой сочетание компонентов взаимодействующих единиц); б) наложение (одна единица представлена полностью, другая — частично): *Das wünsche ich mir aus* — (*wünschen* + *ausbitten*)*.

В семантическом плане контаминирующие единицы являются синонимами или имеют общую архисему при разных дифференциальных семах. Приведем примеры контаминации других частей речи: *zuverlässlich* (*zuverlässig* + *verlässlich*), *zumindestens* (*zumindest* + *mindestens*), *senkgrad* (*senkrecht* + *gerade*), *Gebäulichkeiten* (*Gebäude* + *Bäulichkeiten*). Последние два примера свидетельствуют о том, что контаминация не всегда происходит путем простой рекомбинации элементов, а может сопровождаться усечением корня и переносом инфикса. В процессе контаминации может опускаться и целая морфема: *Wie haben Sie denn das ausgemittelt?* (*herauskriegen* + *ermitteln*). Здесь опущена морфема *her*.

В психолингвистическом плане возникновение ошибочных структур (как и порождение высказывания вообще) может происходить несколько иначе. Рассмотрим два примера: 1) *Und da stellte sich fest (man stellte (es) fest u es stellte sich heraus;* 2) *Zu ihrem 11. Bezirkstreffen versammelten sich die Esperantisten der Stadt Dresden im Kurort Rathen zusammen (sich versammeln + zusammenkommen).*

В первом случае для правильного завершения предложения достаточно было продолжить выбранную структуру — *stellte sich... heraus*. Тот факт, что первоначально выбрана была именно эта

* Примеры взяты из журнала *Sprachpflege* за 1957—1980 гг.

структура, вытекает из самой модели предложения, поскольку этот глагол требует безличного, а не неопределенно-личного предложения. Однако в последний момент сохранившийся в памяти при выборе из «обоймы» элемент *fest* вытеснил элемент *heraus*. Во втором случае достаточно было бы закончить предложение обстоятельством *in Kurort Rathen*, но в памяти еще сохранилась часть синонима *zusammenkommen* — *zusammen*, который и попал в конец предложения. Возможно, здесь действовала также тенденция к коммуникативному усечению конца предложения, т. е. в психолингвистическом плане взаимодействовали парадигматические и синтагматические (в данном случае коммуникативно-стилистические) факторы.

Наиболее полно контаминация проявляется в различного типа устойчивых сочетаниях и фразах, клише, предложных и союзных речениях и т. п. В структурном плане здесь кроме пересечения и наложения обнаруживается еще и сложение (обе взаимодействующие единицы представлены полностью). При наличии общего для обеих единиц компонента он не повторяется, а «совмещается»: *Das erste Frühstück wird im Bett zu sich genommen* (*Frühstück nehmen* + *etwas zu sich nehmen*). Между лексическими компонентами контаминирующих структур обнаруживаются следующие отношения: а) морфологическое подобие (*ernste Schritte ergreifen* = *Massnahmen ergreifen* + *Schritte tun*); б) частичное фонетическое сходство (паронимия): *die Scharte wettmachen* = *die Scharte auswethzen* + *die Schlappe wettmachen*; в) лексическое тождество: *Beileid aussprechen* = *Beileid bezeigen*.

Неотмеченность словосочетания возникает здесь за счет контаминации нетождественных компонентов. Между контаминирующими единицами в целом действуют следующие типы семантической связи: а) синонимия (и близкие к ней отношения): *nicht zu kurz wegkommen* = *Zu kurz kommen* + *nicht gut dabei wegkommen*; б) общность одной из сем: *Das hat er sich aus den fünf Fingern gesogen / an den fünf Fingern abzählen* + *aus den Fingern saugen* — здесь общая сема — легкость осуществления действия; *Ich kam pass wie Kirchenmaus* (*arm wie eine Kirchenmaus* + *pass wie gebadete Maus*) — общая сема «интенсивность»; в) общность когнитивных связей: *billiger Preis* (*billige Ware* + *niedriger Preis*). *Preis* и *Ware* связаны как предмет и его свойство.

Контаминация устойчивых сочетаний, не связанных семантически, встречается редко: *ad acta führen* (*ad absurdum führen* + *ad acta legen*)*. Это главным образом заимствованная фразеология. При контаминации устойчивых сочетаний возможны различные перестановки, транспозиции и субституции, напр.: *ein Fass mit leeren Boden* из *ein leeres Fass* + *Fass ohne Boden*; *Unbedingtes Erscheinen ist Pflicht* — *Erscheinen ist Pflicht* + *Erscheinen ist unbedingt*; *ab morgen* + *von morgen an* = *von morgen ab*.

* Паронимы без семантической связи — также редкое явление.

Взаимодействие двух единиц приводит к возникновению одной контаминированной структуры (реже к двум). Это относится преимущественно к предложным речениям (Zum Unterschied von + im Unterschied zu): а) im Unterschied von; б) zum Unterschied zu.

Устойчивые словосочетания могут взаимодействовать с синонимическими словами или свободными словосочетаниями: An Widrigkeiten des täglichen Lebens abstossen (sich die Hörner abstossen + + sich abschleifen). Diese Einführung erwies sich als vorteilhaft + was von grossem Vorteil) = Diese Einführung erwies sich zum Vorteil. В результате контаминации возникают не только конструкции с нарушением сочетаемости, но иногда и структуры, не содержащие нарушений норм, однако противоречащие замыслу автора: Bei «Diamant wird nur eine Markhülle verwendet, die nicht nur das Falzen vermeidet, sondern auch absoluten Schutz vor Beschädigung, Festkleben und Herausfallen verhindert (ср.: Schutz bieten, gewährleisten и Beschädigung verhindern).

Возникновение контаминации устойчивых единиц объясняют: а) тождеством их моделей; б) их тождеством в контекстуальном плане; в) сильной предсказуемостью одного из компонентов; г) семантической общностью компонентов единиц. Проведенный анализ показывает, что все рассмотренные причины, кроме признака в), действуют и на словообразовательном уровне; для уровня фразеологии все они типичны, но не всегда действуют одновременно (признаки б), г) — необязательны).

В аспекте «лингвистической дефектологии» контаминация представляет собой продуктивное явление, в аспекте слово — и фразеобразования — малопродуктивное: в норму входят лишь единичные структуры: antelefonieren (anrufen + telefonieren)*, einen Kopf machen (sich Gedanken machen + den Kopf zerbrechen). Здесь из двух устойчивых словосочетаний с «прозрачной» семантикой образовался синхронно немотивированный фразеологизм. Незначительная роль контаминации в слово- и фразеобразовательных процессах объясняется нецеленаправленным, стихийным характером контаминации и отсутствием коммуникативной необходимости в создании таких единиц. В словообразовательной системе имеются специальные средства для целенаправленного создания новых слов, в которых было бы отражено сочетание нескольких понятий (например, сложение основ с усеченными компонентами, аббревиатуры и др.); возникновение же контаминированных устойчивых сочетаний связано с длительным и сложным процессом семантической или структурной перестройки свободных сочетаний.

Контаминация обнаруживается и на синтаксическом уровне. В этом случае взаимодействуют синонимические модели словосочетаний или предложений: Durch das späte Frühjahr und des jetzigen Wetters haben wir eine ernste Lage bei der Einbringung der

* Контаминация в моделях такого рода поддерживается тенденцией к экспансии некоторых префиксов.

Ernte (Durch das späte Frühjahr und wegen des jetzigen Wetters). An praktischen Beispielen erläutern sie die Behandlung von Kakteen und anderer exotischen Pflanzen. Sollten wir dennoch Ihren Geschmack verfehlt haben und Sie überdies nicht der Auffassung sind, einem anderen damit eine Freude bereiten zu können, so... Правильно: Sollten wir ... und wenn Sie nicht der Auffassung sind. В приведенном предложении эти два синонимичных условных придаточных объединены в одну (синтаксически неправильную) структуру с «совмещенным» sollen (возможный вариант): Sollten wir ... und sollten Sie nicht der Auffassung sein...

Преобразование контаминированной структуры в правильную нередко связано не только с грамматическими, но и лексическими трансформациями, что свидетельствует, в частности, о характере ее порождения: Bis zum Jahr 1981 werden die Stadtbezirkshäuser weiter gestärkt, so dass sie in zunehmendem Masse ihrer Verantwortung als Zentren der Reparaturen und Initiativeleistung der Bevölkerung genutzt werden. Первоначальный замысел был ... gerecht werden, однако после появления слов als Zentren слово Verantwortung выпало из оперативной памяти и слова sie (als Zentren) потребовали при отсутствии Verantwortung иной сочетаемости — genutzt werden. Предложение может быть исправлено заменой другим сказуемым или исключением ihrer Verantwortung. Приведенные примеры могут быть истолкованы как иллюстрирующую модель пересечения.

Что касается сложения, то оно всегда сопряжено с лексическими заменами и трансформациями. Один из типичных случаев здесь — возникновение фразы, прямо противоположной замыслу автора в результате сочетания двух лексических единиц с семами отрицания: ... daß es an mangelnder Aufmerksamkeit fehlte.

Правильно: daß es Aufmerksamkeit fehlte (с исключением mangelnder) или an Aufmerksamkeit mangelte (с грамматической трансформацией и перемещением определения в позицию сказуемого. По-видимому, вначале была выбрана структура an Aufmerksamkeit mangelte, а затем возникла в памяти синонимичная структура Aufmerksamkeit fehlte; поскольку mangelte и fehlte не вытеснили друг друга, для сохранения грамматической правильности оба слова заняли позиции, отражающие их связь с Aufmerksamkeit — соответственно определения и сказуемого. Аналогично: Indem Sie dem Aufruf zur Impfung gegen Kinderlähmung Folge leisten, erweisen sie sich eine gute Tat und helfen somit beim Kampf gegen die Ausrottung der furchtbaren Krankheit (следовало: ... beim Kampf gegen die furchtbare Krankheit или beim Kampf für die Ausrottung der furchtbaren Krankheit).

Контаминация может возникать также в обособленных оборотах и придаточных: Gegenwärtig eignen sie Kollegen der Sanitätswerke Kenntnisse an, um Havarien an Druckrohren vornehmen zu können (следовало: um Havarien zu beseitigen или Reparaturen vornehmen zu können). In allen Wohnungsbaufahrtstrassen musste die

Montage unterbrochen werden, weil die Stürmböen keine ausreichende Sicherheit für die Bauarbeiter gewährleisten (следовало: Weil wegen Stürmböen keine ausreichende Sicherheit garantiert werden konnte или weil die Stürmböen Sicherheit gefährdeten).

Что касается моделей предложения в целом, то нередко обнаруживается контаминация актива и пассива: Ein Standpunkt vertritt man am besten mit Wissen (Einen Standpunkt vertritt man или Ein Standpunkt wird vertreten). Предложение было задумано как структура с подлежащим в пассиве (о чем свидетельствует номинатив), но сразу же (глагол vertritt) произошло «соскальзывание» на модель предложения в активе. Обнаруживаются также интересные случаи контаминации, затрагивающие словообразовательные, лексические и синтаксические процессы одновременно: An Platzmangel fehlte es nicht (одно эксплицитное и два имплицитных отрицания!). В качестве правильных вариантов можно предложить: An (freien) Plätzen mangelte es; Freie Plätze fehlten; Freie Plätze gab es nicht. Jalousienarbeiten werden schnellstens mit Schnur und Bändern repariert. Правильно: Jalousienreparaturen werden... ausgeführt, Jalousien werden ... repariert.

Таким образом, в психолингвистическом плане контаминация представляет собой сложное явление, которое связано со «сбоями» в процессе выбора лексических, фразеологических и синтаксических структур, их хранением в оперативной памяти и нарушениями в функционировании блока контроля.

Контаминация обнаруживается на всех значимых уровнях языка и реализуется в моделях пересечения, наложения и сложения, которые могут осложняться в результате различных дополнительных лексических словообразовательных и лексико-грамматических трансформаций. На словообразовательном уровне контаминация охватывает все части речи, но наиболее характерна для глагола. Максимальным разнообразием типов отличается фразеологическая контаминация. На синтаксическом уровне интерферируют синонимические модели предложений, словосочетаний и обособленных оборотов. Во всех случаях требуется определенное структурное и семантическое сходство.

В отношении слово- и фразеобразования контаминация — малопродуктивный процесс, поскольку ее стихийный характер не выдерживает конкуренции с другими продуктивными способами расширения словарного состава и синтаксических моделей.

Список литературы: 1. Гребнев А. А. Смешение синонимических единиц в речи.— Науч. тр./ Куйбышев. пед. ин-т, 1977, с. 134. 2. Залевская А. А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях.— Калинин: Моск. рабочий, 1978, с. 88. 3. Ицкович В. А., Шварцкопф В. С. О контаминации и смежных с нею явлениях.— Сб. статей памяти В. В. Виноградова.— М.: Изд.-во МГУ, 1971, с. 90—96. 4. Пауль Г. И. История языка.— М.: Изд-во иностр. лит., 1957.— 500 с. 5. Тонконогий И. М. Введение в клиническую нейропсихологию.— Л.: Наука, 1973.— 425 с. 6. Porzig W. Das Wunder der Sprache.— Bern: Franke — Verlag, 1957.— 424 S.

Поступила в редколлегию 05.10.82.

ЕДИНИЦЫ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИХ ПРИЗНАКИ

Изучение диалогической речи является составной частью лингвистики текста. Становление лингвистики текста как особой научной дисциплины относится к последним десятилетиям. Несмотря на громадное количество работ, появившихся в этот период, основные проблемы лингвистики текста не нашли окончательного решения. К их числу относится и проблема обнаружения различных единиц, составляющих иерархическую структуру текста, в частности иерархическую структуру диалогического текста.

Предложение, по мнению большинства современных лингвистов, не является наименьшей единицей коммуникации. Мы мыслим не отдельными предложениями, а выражаем нашу мысль при помощи взаимосвязанных, линейно расположенных предложений. «При изучении синтаксического строя связной речи следует исходить не непосредственно из предложения, — пишет Н. С. Поспелов, — которое не обладает в связной речи достаточной самостоятельностью, а из сложного синтаксического целого как синтаксической единицы, более независимой от окружающего ее контекста связной речи» [11, с. 41].

Наименьшей коммуникативной единицей является, таким образом, последовательность предложений — высказывание, которое называют сложным синтаксическим целым, сверхфразовым единством, дискурсом, содружеством предложений.

Исследуя закономерности линейной структуры монологического текста, Н. Д. Бурвикова отмечает случаи самостоятельного функционирования не объединенных в группы предложений. Группа предложений определяется как неразорванная во времени последовательность предложений. Все предложения, иллюстрирующие подобную последовательность (кроме первого предложения, которое эту группу начинает), являются коммуникативно слабыми, т. е. содержат сигналы структурной зависимости — измененный порядок слов, указательные местоимения, сочинительные союзы; и смысловой — анафорические местоимения, несамостоятельности [12, с. 18]. Такая последовательность предложений обычно называется сверхфразовым единством или другим синонимичным термином. Н. Д. Бурвикова приводит следующий пример последовательности предложений, не образующих группу: «Петр накинул пиджак, закурил. Дымок от папиросы потек на улицу через открытую форточку. Минуты через полторы вошел Антон» [2, с. 23—24].

Общее у последовательности предложений первого и второго типа — смысловая и коммуникативная целостность, различное — отсутствие формальных показателей смысловой и структурной зависимости в последовательности предложений второго типа, что делает составляющие данную последовательность предложения сравнительно самостоятельными.

Высказывание может состоять из предложений, связанных сочинительной связью (в структурах паратаксиса), и предложений, связанных подчинительной связью (в структурах гипотаксиса). Между этими двумя типами связи (сочинением и подчинением) нет жестких границ. Как показала А. И. Шевелева, союз *and* может соединять подчиненные в смысловом отношении части, а союз *because* — вводить предложение, дополняющее содержание предыдущей части: *She was starving and she killed herself. She killed herself because she was starving* [16, с.].

Сочинительно могут быть связаны предложения не только в составе сложносочиненных структур, но и предложения, следующие друг за другом и разделенные точкой. Положение об изоморфизме сложного предложения и цепочки предложений, выражающих сложное высказывание, т. е. способности их равнозначно выражать одни и те же смысловые отношения, высказывались многими исследователями. Так, Н. С. Пospelов писал: «Наряду с простыми и сложными предложениями мы, конечно, должны признать наличие в языке и синтаксически организованных групп предложений, рисующих одну картину, в которой мы осмысливаем отдельные ее части, или выражающих такую сложную мысль, которая распадается на ряд отдельных мыслей» [12, с. 326]. Интересно в этом плане и высказывание В. В. Виноградова, который не видел жесткой границы между цепочкой предложений и сложным предложением: «Было бы осторожнее вместо сочинения и подчинения предложений говорить о разных видах сцеплений предложений и о разных степенях их зависимости, выражаемых союзами и другими грамматическими средствами: формами наклонения, формами относительных времен, порядком слов, местоименными словами, интонацией и т. п.» [4, с. 708].

Грамматическая природа сочинительной связи и тем самым статус паратаксиса подвергается сомнению многими учеными. Ещё Э. Сепир высказывал мысль о том, что между цепочкой предложений и сложносочиненным предложением нет принципиальной разницы [14, с. 29]. Анализируя сложносочиненные структуры на материале немецкого языка, В. П. Ипеева делает вывод, что сочинительная связь служит не для построения сложного предложения, а для организации предложений в тексте, маркируя более тесную связь между объединяемыми таким образом единицами [6].

На материале английского языка подобное исследование провел Г. А. Вейхман. Анализируя предложения типа *'Moose is married and so am I and Mark was all for going on with it now. And so was Mary Villiers'*, автор приходит к выводу, что «в языке есть модели, которые в речи различаются степенью расчленения, выступая в виде фразовых и сверхфразовых вариантов. Фразовые варианты соответствуют тому, что принято считать предложениями, сверхфразовые — это монологические и диалогические синтаксические единства, а их общие языковые модели условно, за неимением соответствующего термина, мы обозначим как высшие синтаксические

единицы (ВСЕ) языка» [3, с. 65]. Г. А. Вейхман справедливо указывает на неправомерность раздельной трактовки подобных образований — «подобно тому, как химические элементы существуют в виде аллотропических форм, различающихся расположением одних и тех же атомов в пространственной решетке, ВСЕ языка существуют в виде двух речевых вариантов (предложений и синтаксических единиц), различающихся степенью расчленения одних и тех же лексико-синтаксических компонентов. Поэтому рассматривать предложения и синтаксические единства сходного состава порознь, игнорируя общность их языковой модели, столь же неправомерно, как, например, рассматривать аллотропические формы одного элемента как разные элементы. Объединение синтаксических образований сходного состава независимо от степени их расчленения представляет собой более высокую ступень абстракции» [3, с. 65].

Итак, наименьшей коммуникативной единицей является высказывание, представляющее собой последовательность предложений, выражающих смысловое и коммуникативное целое, которые могут иметь различное формально-грамматическое представление: в виде структур гипотаксиса и паратаксиса, с одной стороны, и в виде последовательности предложений, отделенных друг от друга точкой, с другой стороны. Соответственно все высказывания можно подразделить на две группы — высказывания с сильной связью между составляющими предложениями и высказывания со слабой связью. Сильная связь маркирована союзами, союзными словами, порядком слов, анафорическими словами. Слабая связь не маркирована. К высказываниям первой группы относятся структуры гипотаксиса и паратаксиса, а также последовательности предложений, содержащие показатели смысловой и структурной зависимости. К высказываниям второй группы относятся последовательности предложений, в которых отсутствуют формальные показатели смысловой и структурной зависимости.

В высказываниях со слабой связью предложения могут быть опущены без ущерба для общего смысла высказывания. Поэтому для таких высказываний целесообразно применить термин «сложное синтаксическое целое» для отграничения от высказываний с сильной связью, которые образуют единства в том смысле, что опущение одного из составляющих предложений невозможно, так как это приводит к нарушению смысловой и коммуникативной целостности всего высказывания. Для высказываний с сильной связью можно использовать термин «сверхфразовое единство», так как этот термин соответствует сути передаваемого явления. Для обоих типов высказывания характерно единство темпорального плана составляющих данное высказывание предложений, что диктуется самой логикой построения связанных суждений.

В диалогической речи наименьшей единицей часто считают реплику, представляющую высказывание одного из говорящих.

Однако «реплика» и «высказывание» не всегда тождественны, хотя в некоторых случаях могут и совпадать:

I think it was a good thing to have Teddie Loton down (1);

He is so breezy, isn't he? (2);

Yes, that's his great asset. I don't know that he's very intelligent, but, you know, there are occasions when you want a bull in a china shop.|| I sent one of the servants to find Elizabeth (3);

I daresay she's putting on her shes. She and Teddie were going to have a single (Maugham) (4);

... It must be the damned malaria come back on me (1);

Maybe, but don't be too sure (2);

Why? What do you think it is? (3);

Hell, how would I know. I'm no Doc.|| Where's Mama? (4);

Upstairs (American Plays) (5).

В первом примере третья реплика состоит из двух высказываний, отделенных в тексте двумя вертикальными линиями; первое высказывание завершает диалогическое единство, второе — является зачином нового диалогического единства. Во втором примере граница между двумя высказываниями проходит в четвертой реплике (она отделена двумя вертикальными линиями). Реплику, таким образом, можно определить как единицу, которая может совпадать с высказыванием, составляющим наименьшую единицу диалогического текста, но не обязательно тождественную ей.

Единицей более высокого уровня считается «комплекс» реплик, который по-разному называется различными лингвистами. В советской лингвистической литературе широко употребляется термин «диалогическое единство», введенный Н. Ю. Шведовой, под которым автор понимает «обмен между двумя высказываниями, из которых второе зависит от первого, порождено им и в своей языковой форме отражает эту зависимость» [15, с. 281]. В настоящее время этот термин используется в более широком смысле, не только как структура, состоящая из двух реплик. Помимо данного термина используются также термины «сложное диалогическое единство» для многокомпонентных структур [13], «диалогическое целое» [8], «диалогический абзац» [7], «высказывательный комплекс» [17], «диалогический параграф» [18] для обозначения фактически одной и той же содержательной единицы диалогического текста.

В данной работе будем использовать термин «диалогическое единство», под которым понимается единое коммуникативное и синтаксическое целое, части которого связаны между собой согласно определенным правилам синтаксической зависимости. Далеко не каждое сочетание реплик образует диалогическое единство. Рассмотрим следующие примеры:

Your niece is of age, Mr. Vandergelder. Your niece has consented to marry me. This is a free country, Mr. Vandergelder — not a private kingdom of your own. There are no free countries for fools, Mr. Kemper. Thank you for the honour of your visit — good morning (Wilder).

Now you just rest there, Henry, until I can get your room ready. Eat that potato good and slow, so you can get all the nourishment out of it.

You all might as well know right now that I haven't come back here to live. Sh... I'll put this coat over you. Your room's hardly damaged at all. Your football trophies are a little tarnished, but Sabina and I will polish them up tomorrow (Wilder).

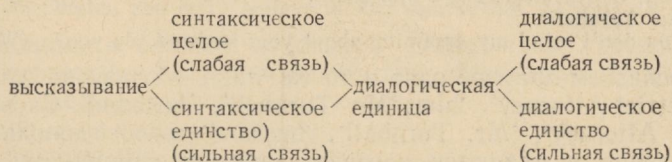
Представляя собой смысловое и коммуникативное целое, реплики диалога в приведенных примерах не связаны правилами синтаксической зависимости, каждая из них может рассматриваться как самостоятельное высказывание, достаточное как в смысловом, так и в коммуникативном плане. Такие единицы диалога назовем «диалогическим целым» (ДЦ), реплики которых связаны слабой связью.

В отличие от ДЦ реплики диалогического единства (ДЕ) связаны сильной связью, в результате чего каждая последующая реплика зависит от предшествующей и поэтому не является достаточной в смысловом и коммуникативном плане:

- How many jobs have you had?
- Since when?
- Since the—er—grammaphone records.
- Can't remember. Two — maybe three. (Hopkins)
- How d'you do? I knew your father.
- Yes.
- Still alive?
- Yes.
- He must be getting on. Is he well?
- Very.
- Ugh! Takes care of himself, I suppose (Maugham).

Таким образом, единицы диалогического текста можно подразделить на две группы: единицы с сильной связью между входящими в их состав репликами — высказываниями — ДЕ и единицы со слабой связью между составляющими — ДЦ.

Как видим, наименьшая единица текста — высказывание — и единица более высокого уровня — единица диалога — изоморфны по способу выражения связи между составляющими их единицами (она может быть слабой и сильной). Иерархическая структура диалогического текста сводится к следующим единицам:

Синтаксическое целое (СЦ) и ДЦ, характеризующиеся слабой связью составляющих, т. е. отсутствием формально-грамматических признаков связи, изучены в настоящее время мало; выявление их свойств — дело будущего. Исследованию же ДЕ посвящено большое количество работ; наиболее подробно описаны формально-синтаксическое строение реплик в диалоге и грамматические средства связи между ними. Основные же признаки диалогических единств и критерии их делимитации изучены недостаточно.

Основным признаком ДЕ является наличие в репликах знаков, выражающих тождество референции, т. е. знаков, соотношенных с одним и тем же предметом реальной действительности, обеспечивающих единство темы на протяжении всего ДЕ. Таким образом, ДЕ можно определить как сочетание реплик, связанных тождеством референции. Слова, объединенные тождеством референции, представляют собой линейно расположенные единицы, из которых первая является первичным обозначением предмета (явления) действительности, а последующие — повторным его обозначением. Первичное обозначение предмета назовем доминантой (Д), повторное — репрезентантом (Р).

Существует четыре основных способа выражения повторной номинации. Первый способ заключается в выражении повторяющегося смыслового компонента равнолексемной единицей:

- There isn't any real necessity for a scene.
- I don't want a scene. I just want to straighten things out. (Coward)
- Oh, you've had an accident.
- No, John's in a temper and he thought it would relieve him if he broke something.
- Nonsense. John's never in a temper.
- That's what you think, Mrs. Culver. Yes, I am in a temper.
- I'm in filthy temper (Maugham).

Этот способ выражения повторной номинации именуется лексическим повтором.

Второй способ заключается в выражении повторной номинации равнолексемной с доминантой единицей, имеющей, как правило, дополнительные оттенки смысла. Это — синонимы или близкие по смыслу слова:

- You do love me a little, don't you? I want your love so badly.
- Why, I dote on you, you silly old thing (Maugham).
- I had my dream last night — again! I didn't mean to tell you.
- Dreams!
- It's all very well for you to laugh, but I saw it so clearly.
- The District Attorney!
- Nonsense.
- And, Letita, dear, I saw him again.
- Mr. Turnball?
- You don't mind my dreaming about your husband, do you? (Wilder).

В последнем примере одно и то же лицо обозначено словами 'The District Attorney', 'him', 'Mr. Turnball', 'husband'. Слова 'The District Attorney', 'Mr. Turnball', 'husband' имеют дополнительные значения и являются контекстуальными синонимами. Третий способ выражения повторной номинации осуществляется при помощи анафорических слов. Четвертый способ заключается в опущении повторяющегося смыслового компонента и представлении его нулем на поверхностном уровне.

Употребление определенного вида повторной номинации обусловлено конкретным актом коммуникации, его целью и спецификой. Так, употребление равнолексемных с доминантой слов (лексический повтор) носит явную стилистическую окраску: усиливает,

выделяет данный элемент ситуации, а также передает эмоциональное состояние говорящего. Употребление синонимов и близких по смыслу слов тоже относится к выразительным средствам языка. И первый, и второй способ выражения повторной номинации — средства смысловой связи компонентов высказывания. Третий и четвертый способы выражения повторной номинации стилистически нейтральны и являются средствами не только смысловой, но и грамматической связи компонентов текста. Наличие в семантическом ядре анафорических слов имплицитных сем, а также наличие имплицитных нулевых знаков в структуре предложения делает их зависимыми от предшествующего контекста и обеспечивает, таким образом, тесную смысловую и грамматическую связь тех компонентов текста, которые содержат эти виды повторной номинации. Именно эти два вида повторной номинации являются основными средствами сильной связи, которые ведут к образованию семантико-грамматического единства — ДЕ.

Наличие в репликах лексических повторов и синонимичных слов еще не ведет к образованию ДЕ — это скорее ДЦ. Для обеспечения более тесной связи лексические повторы сочетаются с опущением повторяющихся смысловых компонентов:

- I am the injured party am I not?
- Injured?
- Yes, extremely injured.
- Injured! (Coward).
- ... you know you're playing a very dangerous game.
- Dangerous? — Dangerous, Mrs. Levi?
- Of course, it's dangerous — and there's a name for it. (Wilder).

или употребляются с анафорическими актуализаторами (актуализаторами повторных номинаций):

- Five years ago you sent me a wedding present all the way to London — a waffle iron.
- Karen informed me you pawned that waffle iron (Spewack).
- George, you know's well as I do: the groom can't see his bride on his wedding day, not until he sees her in church.
- Aw! — that's just a superstition — Good morning, Mr. Webb.
- Good morning, George.
- Mr. Webb, you don't believe in that superstition, do you? (Wilder).

Синонимы и близкие по смыслу слова тоже употребляются с анафорическими актуализаторами для обеспечения более тесной связи с предшествующим контекстом:

- What am I to say to George?
- Anything you like, dear!
- I can't ring the fellow and say you're doing yourself in on Sunday morning... (William Douglas Home).

Итак, ДЕ можно определить как сочетание реплик, объединенных тождеством референции и связанных сильной (семантико-грамматической) связью, которую представляют анафорические слова и опущение повторяющихся смысловых компонентов. Повторение одних и тех же смысловых компонентов называют анафорой. Следовательно, названные выше четыре способа выражения повторной

номинации являются различными видами анафоры. Первые три вида повторной номинации можно назвать эксплицитной, или ненулевой анафорой, а четвертый вид — имплицитной, или нулевой анафорой. Разграничение ненулевой и нулевой анафоры восходит к Л. Блумфилду [1]. Ненулевая анафора, по Блумфилду, это все слова-субституты. Нулевая анафора анализируется автором на примере придаточных предложений, вводимых посредством слов 'as', 'than' — *Mary dances better than Jane*. Другим случаем употребления анафорического нулевого признака является замещение инфинитива после 'to' (*I haven't seen it, but I hope to*), а также после личных глаголов (*I'll come if I can*) [1, с. 275]. Это явление часто называют репрезентацией. Репрезентация представляет собой частный случай выражения повторяющегося смыслового компонента, при котором один из элементов сложной формы выступает в предложении «как представитель всей формы в целом, включая, конечно, и оформляемое ею лексическое значение» [5, с. 95].

Реплики диалогического единства могут быть связаны при помощи одного из видов сильной связи — нулевой анафоры:

- You want to save money?
- I never could $\emptyset$ in my life.
- You could $\emptyset$ if you stayed on the place.
- What place? $\emptyset$
- This place. $\emptyset$
- Whereabouts on this place? $\emptyset$
- Back of that curtain $\emptyset$ (American Plays).

или эксплицитной анафоры — анафорических слов:

- Does that old fool know I'm in love with you?
- I think so.
- When he was talking about Lady Kitty smashing up Lord Porteous career I thought there was something at the back of it.
- I think he was trying to persuade me not to smash up yours.
- I'm sure that's very considerate of him, but I don't happen to have one to smash. I wish I had (Maugham) либо при помощи того и другого видов:
- Have you heard Mary come back, dear?
- Isn't she in the kitchen?
- I sent her on an errand.
- To the shops? $\emptyset$
- Not exactly. $\emptyset$
- Far? $\emptyset$
- Oh, across the park. $\emptyset$
- I haven't seen her since lunch.
- She went out just after lunch. I hoped she'd be back to wash up the tea things, but I suppose I'd better do them myself (Greene).

Наиболее изученными являются ДЕ, реплики которых связаны при помощи нулевой анафоры, вероятно, потому, что нулевая анафора, ведущая к образованию эллиптических предложений, является одной из характерных черт разговорной речи. Однако, как показывает фактический материал, эксплицитная анафора (анафорические слова) как средство текстовой связи является не менее распространенным средством, чем нулевая анафора. ДЕ, реплики которых связаны при помощи эксплицитной анафоры, а также ДЕ

со «смешанной» сильной связью (нулевой и эксплицитной анафоры), не изучены совсем. Исследование таких ДЕ — одна из самых насущных задач лингвистики текста. Только тогда станет возможным определение общих признаков ДЕ, выявление факторов, определяющих употребление того или иного вида сильной связи, выбор определенного типа ДЕ.

Список литературы: 1. Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. — 607 с. 2. Бурвикова Н. Д. Закономерности линейной структуры монологического текста: — Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1981. — 48 с. 3. Вейхман Г. А. Предложения и синтаксические единства. — Вопр. языкознания, 1981, № 4, с. 61—72. 4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 78 с. 5. Воронцова Г. Н. Смерки по грамматике английского языка. — М.: Просвещение, 1960. — 399 с. 6. Игеева В. П. Сложные синтаксические конструкции с сочинительной связью в современном немецком языке. — Науч. тр./МГПИИЯ им. М. Горького, 1977, вып. 109, с. 17—23. 7. Кучер А. В. О структуре английской диалогической речи. — Вопр. романо-германского и общего языкознания. — Минск, 1973, с. 86—100. 8. Леонова-Елисеева Л. А. Рекуррентные предложения в современном английском диалоге: Дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1969. — 180 с. 9. Маркина Л. С. Четырехчленные диалогические единства (ДЕ-4) в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1973. — 180 с. 10. Пенькова Г. А. Двучленные и трехчленные сверхфразовые диалогические единства (СДЕ). — В кн.: Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л., 1972, с. 69—73. 11. Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. — Уч. зап. МГУ, вып. 137 (Тр. каф. рус. яз.). М., 1948, кн. 2, с. 31—41. 12. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения. — Вопр. синтаксиса совр. рус. яз., 1950, с. 321—337. 13. Святотор И. П. Типы диалогических реплик в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1967. — 180 с. 14. Сенир Э. Язык. — М.; Л., 1934. — 223 с. 15. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с. 16. Шевелева А. И. Паратакис и гипотакис как средства причинных отношений в современном английском языке (функционально-семантические особенности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977. — 180 с. 17. Bosac C., *Camutaliova I. K. Vystabe dialogu.* — Slovo a Slovesnost, Rochik, 1967, 28, N 3, с. 237—245. 18. *Klammer T. P. Foundations for a theory of dialogue structure.* — Poetics, The Hague — Paris, 1973, N 9, p. 27—64.

Поступила в редколлегию 05.10.82.

В. Л. ЗИНОВЬЕВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ *stand, sit, lie*

Объектом нашего исследования являются семантические и комбинаторные характеристики статических глаголов современного английского языка *stand, sit, lie* (далее — глаголы), которые еще сравнительно мало исследованы, хотя и занимают немаловажное место в системе языка и довольно часто встречаются в речи. Основная цель работы — установить минимальное инвариантное семантическое содержание, присущее каждому из этих глаголов независимо от контекста его употребления, т. е. его инвариантного значения, что позволило бы рационализировать их лексикографическое описание и облегчило бы их усвоение в процессе обучения. Задача исследования сводится к тому, чтобы на основе анализа сло-

варных статей в английских толковых словарях и сочетаний глаголов, взятых из произведений художественной литературы XX в., определить набор сем, составляющих инвариантное значение каждого из глаголов, изучить языковой механизм порождения разных переменных смыслов, возникающих в процессе их функционирования в речи.

Нами были проанализированы словарные статьи этих глаголов, приведенные в четырех английских толковых словарях. В нашем анализе примем следующие сокращения: CD [7]; LD [8]; ALD [9]; WD [10]. Были отмечены экстремали количества значений глаголов: stand — 10 и 24; sit — 8 и 16; lie — 7 и 16. Но этим различия в описании семантики глаголов не ограничиваются. Толкование одних и тех же значений у разных авторов нередко существенно отличается. Кроме того, эти значения даются в разном порядке. Иными словами, в словарях не прослеживаются общие закономерности лексикографического описания слов. Например, LD объясняет, что глагол lie имеет разные значения в следующих предложениях: The town lies to the east of us. The man lay in prison for 7 years. В ALD в подобных случаях значение глагола lie трактуется как одинаковое: money lying idle in the bank; towns lying in ruins; man lay in prison for years.

В результате анализа словарных статей невольно возникает вопрос. Как осуществляется процесс коммуникации, если один и тот же глагол обозначает несколько десятков процессов, причем часто как будто совершенно разных? Например, в словарях даются такие значения глагола stand, как «стоять, ставить, выдерживать, терпеть, оставаться в силе, настаивать, быть написанным, направляться, угощать» и др.

Сопоставление иллюстративного материала словарей показывает, что описание семантического содержания глагольного сочетания определяется спецификой компонентного состава конструкции. Так, порождение смысла «стоять» зависит от наличия в конструкции слова, обозначающего субъект, способный быть в вертикальном положении. Смысл «ставить» наблюдается в том случае, когда есть субъект, объект, способный быть в вертикальном положении, и обстоятельство места. Если есть подлежащее и дополнение, но нет обстоятельства места, возникает смысл «выносить, терпеть». Для появления смысла «угощать» необходимо слово, обозначающее то, чем можно угостить — a good dinner.

Нетрудно заметить, что такое описание фактически лишает глагол его собственного значения. Тем не менее глагол, как и всякое другое слово, должен и до употребления в речи иметь определенное парадигматическое значение, которое и обуславливает возможность использования глагола в том или ином контексте. В самом деле, почему для обозначения столь разнообразных объективных процессов говорящий использует глагол stand, а не другие глаголы? Логично допустить, что все процессы, обозначаемые одним глаголом, обладают какими-то общими признаками, которые закреп-

ляются в его значении. Задача исследователя в таком случае заключается в том, чтобы выделить эти признаки, описать их в терминах сем и показать их роль в порождении в речи различных смыслов наряду с другими определяющими их факторами.

Попытаемся установить инвариантное значение глаголов и факторы, определяющие различные переменные смыслы в речи. При этом используем методику «значение — смысл», разработанную С. Е. Гурским [3]. Под значением будем понимать инвариантное семантическое содержание слова в плане языка, которое можно представить как набор отраженных в языке коммуникативно-релевантных признаков структуры объекта — сем, используемых в речи в качестве семантических дифференциальных признаков (СДП). Смысл слова, как отмечает С. Е. Гурский, представляет собой переменное семантическое содержание слова — соединение компонентов инвариантного значения из парадигматического плана языка в качестве СДП и переменных компонентов из синтагматического плана речи в качестве основы семантической оппозиции [6]. Выделение сем инвариантного значения производится методом семантических оппозиций, который предполагает противопоставление не разных понятий, а тождественных. Так, в традиционном противопоставлении разных понятий во фразах типа *He sat/lay* и *The coat sat/lay* невозможно выделить общие компоненты, они скрываются за различиями субъектов: *he* и *coat*. Естественно, что «сидят» или «лежат» по-разному в силу своих собственных существенных и сущностных различий. Рассматривая аналогичное явление, С. Е. Гурский подчеркивает неправомочность противопоставления разных субъектов с общим глаголом: «часовой стоит — жара стоит — работа стоит». В таких оппозициях подчеркивается и выделяется различие самоочевидного — часового, жары, работы. Для выделения общих признаков глагольного компонента словосочетания необходимо противопоставить разные состояния одного и того же субъекта, т. е. противопоставить сочетания с разными глаголами, но с одним и тем же словом в функции подлежащего (грамматическим субъектом). Так, для выделения наиболее общего компонента семантической структуры статических глаголов они противопоставляются динамическим, но в сочетании с тем же грамматическим субъектом: «Часовой стоит — Часовой ходит; Жара стоит — Жара спадает; Работа стоит — Работа идет». В этой оппозиции четко выделяются дифференциальные признаки соответственно «неподвижность» / «подвижность» общего основания семантической оппозиции — субъекта. Но признака «неподвижность» недостаточно для дифференциации других неизменных состояний неподвижным субъект остается и в сидячем, и в лежащем положении. Следовательно, для различения между собой статических состояний необходимы дополнительные дифференциальные признаки при наличии общего интегрального признака «неизменность» положения / состояния. Так, стоячее неподвижное положение отличается от лежащего неподвижного соответственно

вертикальностью и горизонтальностью. Поэтому при сопоставлении различных положений, занимаемых человеком и обозначаемых статическими глаголами, прежде всего выделяются семы: у глагола *stand* — вертикальность, у глагола *sit* — согнутость под углом, «сидячесть», у глагола *lie* — горизонтальность. Дальнейший анализ семантических оппозиций, в которые входят исследуемые глаголы, позволил выделить следующие семы: «заметность» у глагола *stand* — «незаметность» [у глагола *lie*: *The village stood on the hill*; *The village lay in the valley* (в этих предложениях глаголы не являются взаимозаменяемыми единицами, так как деревня, расположенная на холме, заметна, а в долине — скрыта). «Активная сопротивляемость влиянию неблагоприятных условий» (далее — «сопротивляемость») у глагола — *stand*: *let us stand against this* (Galsworthy). Возникновению семы «сопротивляемость» способствовал тот факт, что стоящий человек при воздействии на него неблагоприятных сил (сильного ветра, нападающего врага и т. п.) стремится удержаться на ногах, устоять, не упасть. «Прочность» позиции у глагола *sit*: *The monstrous turbine-generator... sat on concrete pedestals* (Hailey).

Как известно, познание человека вообще и процессов в частности идет от конкретного к абстрактному. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности», — писал В. И. Ленин [2, т. 29, с. 152—153]. Развитие мысли, отражающее познание человека, фиксировалось в значениях слов и их сочетаниях. Самым конкретным объектом познания был сам человек: все познание начинается от него самого и его окружения. Первоначально глаголы в качестве грамматического субъекта, очевидно, имели названия человеческих существ и обозначали их различные положения в пространстве. Даже в современном языке, несмотря на значительное расширение в диахроническом плане употребления данных глаголов, в подавляющем большинстве проанализированных сочетаний (5568 из 6000) субъектом является человек, а глаголы выражают определенное положение субъекта либо безотносительно к смежному отрезку времени, либо как результат изменения антериорного положения субъекта, напр.: *He didn't know how many hours he sat there* (Collins). В описываемый отрезок он сидел, а не стоял или лежал. *Margaret sat bolt upright in bed* (Collins). До этого она лежала, а теперь села. *He walked to the park, sat in the dusk and gazed off into space* (Collins). Он шел, а потом сел.

В своей познавательной деятельности человек сделал первый шаг в сторону от подобных ему существ к предметам окружающего мира. Если эти предметы чем-то напоминали человека в способности занять то или иное положение в пространстве, на их названия распространялась возможность сочетаемости со статическими глаголами. В составе инвариантного значения каждого глагола отражены в качестве сем пространственные характеристики пред-

метов, обладающих какими-либо общими признаками. В связи с этим естественны фразы типа *Te dog stood / sat / lay on the floor. The book stood / lay on the shelf.*

Второй шаг в познавательной деятельности — абстрагирование от положения в пространстве и переход к отражению в языке способа существования предметов во времени. Этот шаг был вполне правомерен, поскольку, как указывал Ф. Энгельс, все в мире существует в пространстве и во времени [1, т. 20, с. 362]. Неподвижность в пространстве есть частный случай неизменности существования во времени, поэтому абстрагирование от неизменности положения оставляет неизменность состояния во времени как более общий и обобщенный признак. Именно он и дает возможность глаголам сочетаться со словами, обозначающими предметы мысли, лишённые дополнительных дифференциальных признаков. Здесь достаточно одного ведущего актуализированного признака и соответственно семы: *If you are young, life still lies before you (ALD). The meeting stands recessed (Hailey).* В этих предложениях глаголы обозначают состояние субъектов во времени.

Дальнейшее расширение употребления глаголов связано с актуализацией и нейтрализацией их сем, что приводит к порождению новых смыслов в сочетаниях слов. Например, в предложении *The man lay in prison for years* глагол *lie* не выражает горизонтальное положение человека, т. е. сема «горизонтальность» нейтрализуется, а семы «неизменность» (состояния относительно тюрьмы) и «незаметность» (человек в тюрьме незаметен для общества) актуализируются. Актуализация семы «заметность» видна из следующего примера: *Now she stood out from the crowd (Collins).* Если нейтрализуются все дифференциальные семы, статические глаголы, сохраняя свою общую интегральную сему «неизменность», передают в предложении тождественный смысл «пребывание в определенном положении / состоянии».

Изменение грамматических характеристик глаголов *stand* и *sit*, приобретение ими признаков переходности (глагол *lie* всегда употребляется в качестве непереходного, очевидно, в связи с наличием в языке его семантического переходного коррелята *lay*) не приводит к появлению новых сем в семантической структуре глаголов. В переходном употреблении они имеют те же семы, но в этом случае приобретают следующие смыслы: 1) *Cause to be placed in a sitting / upright position*, напр.: *He lifted the child and sat her at a table; Stand the bottle on the table (ALD)* (выражение определенного положения в пространстве объекта, принятое под воздействием субъекта); 2) *Allow somebody to take a certain position* (появляется в сочетании глаголов *sit, stand* с неодушевленным субъектом и одушевленным объектом). Своеобразие этого типа смысла объясняется смещением смыслового акцента с подлежащего на обстоятельство, последнее в связи с этим представляется как подлежащее. Подмена видна из трансформации фраз: *The table sits 6 people — 6 people can sit at this table, i. e.; The property of this table is to sit 6 people;*

The bus stands 30 people — 30 people can stand in the bus; 3) Глагол sit может передавать смысл keep one's seat on (a horse, etc.), который близок к смыслу, передаваемому этим глаголом в его непереходном значении, когда он сочетается со словами в функции обстоятельства, ср.: He couldn't sit his mule. — He couldn't sit on the hard bench (ALD); 4) Глагол stand может выражать смысл be or remain unchanged in spite of unfavourable influence, напр.: The paint will stand the heat. This work will hardly stand close examination (LD).

Авторы словарей усматривают разные значения статических глаголов в предложениях типа The wounded man was lying on the battlefield; I must lie down; He sat at his desk working — Sit in that chair there; Please remain standing — He stood (up) politely when the lady entered the room. Однако анализ показывает, что семный состав глаголов в каждой из этих пар предложений остается неизменным: во всех конструкциях передается определенное положение субъекта в пространстве — горизонтальное, согнутое под углом, вертикальное, но если первое из сопоставляемых предложений обозначает положение субъекта безотносительно к его антериорному состоянию, то второе предложение каждой пары выражает это положение в виде конечного результата изменения предшествующего состояния, т. е. раньше субъект не лежал / сидел / стоял, он принимал данное положение, переходя из какого-то другого. Следовательно, статические глаголы имеют здесь то же самое инвариантное значение, а смысл каждой конструкции можно установить в зависимости от основы оппозиции — смежных состояний одного и того же субъекта, один из которых маркируется stand неподвижностью, вертикальностью: He was running — stood = остановился; He was sitting — stood = встал; He did not fall — stood = выстоял.

Таким образом, семантическая структура каждого статического глагола, исследованного в работе, включает в себя интегральную сему «неизменность» положения в пространстве или состояния во времени и две-три дифференциальные семы. Те десятки значений, которые приписываются этим глаголам в словарях, в сущности являются различными смыслами, которые порождаются говорящим в силу объективных потребностей общения.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Гурский С. О. Значения и смысл слова. — *Иноземна філол.*, 1974, вип. 34, с. 3—14. 4. Гурский С. Е. The Idiomatic Heart of the English Language. — Львов: Вища школа, 1975. — 182 с. 5. Гурский С. О. Деякі проблеми семантичної комбінаторики. — *Иноземна філол.*, 1979, вип. 53, с. 3—16. 6. Гурский С. О. Нейтралізація опозицій у семасіології. — *Иноземна філол.*, 1981, вип. 63, с. 50—56. 7. Chambers's Twentieth Century Dictionary. — N. Y.: Hawthorn Books, 1965. — 1396 p. 8. Longman Dictionary of Contemporary English. — Bath: Longman, 1978. — 1303 p. 9. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — Oxford, 1980. — 1036 p. 10. Webster's New World Dictionary. — L.: Macmillan, 1962. — 1702 p.

Поступила в редколлегию 05.10.82.